

«Комбинация политики,
киберпанка и эпической космооперы».

The Verge

ПРЕМИЯ
ХЬЮГО

ПАМЯТЬ, ЧТО ЗОВЕТСЯ ИМПЕРИЕЙ

Аркади Мартин

fan₂on

Аркади Мартин
Память, что зовется империей
Серия «Sci-Fi Universe.
Лучшая новая НФ»
Серия «Тейкскалаан», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64235807

*Память, что зовется империей / Аркади Мартин: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-117943-4*

Аннотация

Жители космических станций много поколений держат дистанцию с захватнической империей Тейкскалаан. Внезапный запрос выслать в столицу нового посла поднимает много вопросов. Махит Дзмаре прибывает на планету-город, где все буквально пронизано поэзией, что драпирует интриги и соперничество. Имаго – вживленная в мозг Махит память прежнего посла – должен помочь ей распутать клубок связей, договоренностей и афер предшественника, но сбой имаго-аппарата ставит все под угрозу. Теперь Махит придется во всем разбираться самостоятельно.

Содержание

Прелюдия	6
Глава 1	13
Глава 2	41
Глава 3	67
Глава 4	92
Глава 5	124
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Аркади Мартин

Память, что зовется империей

Arkady Martine

A Memory Called Empire

Copyright © 2019 by AnnaLinden Weller

© С. Карпов, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2021

Эта книга посвящается всем тем, кто когда-нибудь влюблялся в культуру, пожирающую своих детей.

(А также Григору Пахлавуни и Петросу Гетадарцу – через века)

Наша память – мир более совершенный, чем вселенная: она возвращает жизнь тем, кого уже нет на свете.

Ги де Мопассан «Самубийцы»

Я б не избрал даже жизни с Калипсо взамен дыма Константинополя. Я целиком одержим мыслью о множестве источников радости, окружающих со всех сторон: размах и красота наших храмов, длина здешних колоннад и протяженность дорог; дома и все

*прочее, обогащающее наш образ Константинополя;
сборища друзей и беседы, а самое главное – мой
златолив, они же твои уста и его цветы...*

Никифор Уран, дука Антиохии, письмо 38

Прелюдия

Чему в Тейкскалаане нет конца – так это звездным картам и отбытиям.

Вот весь тейкскалаанский космос, раскинулся голограммой над стратегическим столом крейсера «Кровавая Жатва Возвышения», готового к развороту и возвращению домой, будучи в пяти вратах и двух неделях субсветового пути от столичного города-планеты Тейкскалаан. Голограмма – это покой в понимании картографов: «Все эти мерцающие огни есть планетные системы, и все они – наши». Сцена эта – какой-нибудь капитан разглядывает голографическое воссоздание империи где-то за размеченными пределами мира, – какую ни возьми границу, какую ни возьми спицу великого колеса, представляющего тейкскалаанское миропонимание – и отыщешь ее везде: сотню таких капитанов, сотню таких голограмм. И все до единого ведут войска в новую систему, несут все ядовитые дары, какие только могут: торговые соглашения и поэзию, налоги и обещание защиты, энергетическое оружие в черных кофрах и масштабную архитектуру нового губернаторского дворца, возведенного вокруг своего открытого небу лучезарного сердца – храма солнца. Все капитаны до единого повторяют это вновь, превратят очередную систему в бриллиантовую точку на голографической звездной карте.

Вот великий размах лапы цивилизации, вытянувшейся на фоне межзвездной тьмы, вот утешение любому капитану, когда он заглядывает в бездну и надеется, что на него ничто не посмотрит в ответ. Вот звездные карты делят вселенную на «империю» и «прочее», на «мир» и «не мир».

«Кровавую Жатву Возвышения» и его капитана ждет последняя остановка перед тем, как начать обратный путь в центр их вселенной. Есть в секторе Парцравантлак станция Лсел: одна хрупкая вращающаяся жемчужина, тороид тридцати километров в диаметре, что крутится вокруг своей оси, зависнув в точке равновесия между удобно расположенным солнцем и ближайшей полезной планетой. Это крупнейшая из сети горнодобывающих станций, составляющих этот небольшой регион космоса – регион, уже ощутивший на себе касание длинной руки Тейкскалаана, но еще не ее вес.

Из спицы станции сплевывается шаттл, в несколько часов проходит путь до поджидающего золотисто-серого металлического корпуса военного корабля, передает свой груз – одна женщина-человек, багаж, указания – и возвращается невредимым. Ко времени его стыковки «Кровавая Жатва Возвышения» уже приступил к помпезному движению по вектору к центру Тейкскалаана, все еще подчиняясь субсветовой физике. Со Лсела он будет видим еще полтора дня, медленно съеживаясь, пока не станет точкой света, а потом и вовсе погаснет.

Дарц Тарац, лселский советник по шахтерам, наблюдает

за удаляющимся кораблем – за его огромной дремлющей угрозой, тяжело нависшей и поглощающей половину горизонта, открытого из иллюминатора в зале Лселского совета. Для Тараца это вездесущее затмение знакомых звезд лишь очередное доказательство тейкскалаанского голода по космосу станционников. Скоро может наступить день, когда такой корабль не уйдет, а обратит ослепительный огонь энергетического вооружения на хрупкую металлическую скорлупку, где находятся тридцать тысяч жизней, в том числе жизнь Тараца, и брызнут они в убийственный холод, словно семена из раздавленного плода. Пути необузданной империи, верит Тарац, неизбежны.

Над стратегическим столом, за которым заседает на собраниях Лселский совет, не светится голограмма: здесь лишь голая металлическая поверхность, затертая множеством локтей. Тарац снова задумывается над простой загадкой, почему удаляющийся корабль по-прежнему излучает столь ощутимую угрозу, – и отворачивается от иллюминатора, возвращается на свое место.

Быть может, пути необузданной империи и неизбежны, но Дарц Тарац хранит тихий, решительный и лукавый оптимизм: *необузданность* не вечна, и ему об этом известно уже довольно давно.

– Что ж, с *этим* разобрались, – говорит Акнель Амнардабат, советница по культурному наследию. – Улетела. Улетела наш новый посол в империи, *затребованный* этой империей,

которую, искренне надеюсь, посол от нас отведит.

Дарцу Тарацу лучше знать: это он отправлял *прошлого* посла от Лсела в Тейкскалаан двадцать лет назад, когда еще был моложе и увлекался рискованными прожеками. Отправить нового посла – это еще не конец, даже если она уже вылетела на шаттле. Он упирается в этот стол локтями, как все последние двадцать лет, и опускает узкий подбородок на еще более узкие ладони.

– Было бы лучше, – говорит он, – если бы мы могли отправить ее с имаго, не устаревшим за пятнадцать лет. Ради ее же блага и нашего.

Советница Амнардбат – чей собственный имаго-аппарат, этот тонко настроенный неврологический имплантат, хранит записанные воспоминания шести предыдущих советников по культурному наследию, передававшиеся от одного к другому, – не может и представить того, чтобы говорить с Дарцем Тарацем без предыдущих пятнадцати лет опыта. Будь она сама новым членом Совета с отставанием в пятнадцать лет, то была бы *калейкой*. Но сейчас Акнель пожимает плечами, не особенно переживая о том, что этих ресурсов лишена новая посланница в империю.

– Это ваш недосмотр, – говорит она. – Это вы отправляли посла Агавна, а Агавн за все двадцать лет службы не удосужился вернуться к нам больше одного-единственного раза, чтобы передать обновленную запись имаго. И вот мы высылаем ему на замену посла Дзмаре с тем, что он оставил пят-

надцать лет назад, только потому, что Тейкскалаан потребовал...

– Агавн свое дело сделал, – говорит советник Тарац, и советники по гидропонике и по пилотам за столом согласно кивают: посол Агавн сделал свое дело – не дал станции Лсел и всем остальным мелким станциям в их секторе стать легкой добычей для экспансионистских настроений тейкскалаанцев, взамен на что советники согласились смотреть сквозь пальцы на его проступки. Теперь же, когда Тейкскалаан внезапно потребовал нового посла без объяснений, что стало с прежним, большая часть Совета не торопится с признанием изъянов Агавна, пока не станет известно, мертв ли он, скомпрометирован или попросту пал жертвой какого-то внутреннего передела власти в империи. Дарц Тарац всегда его поддерживал – Агавн считался *его* протеже. А Тарац, советник по шахтерам, все же первый среди шести равных в Лселском совете.

– И Дзмаре сделает свое, – говорит советница Амнардбат. Махит Дзмаре была ее выбором из всех возможных новых кандидатов: идеальный вариант, думала она, для устаревшего имаго. Те же способности. Тот же настрой. Та же ксенофилическая любовь к культурному наследию, что находится вне ведения Амнардбат: известный интерес к тейкскалаанским языку и литературе. Идеальный кандидат для того, чтобы выслать с единственной существующей копией посла Агавна. Идеальный кандидат, чтобы унести эту скверную и

оскверненную имаго-линию подальше от Лсела – возможно, навсегда. Если Амнардбат не ошиблась в расчетах.

– Уверена, Дзмаре справится, – говорит советница по пилотам Декакель Ончу, – а теперь можно приступить к *насуи-ному* вопросу перед Советом, а именно – что нам делать с положением у Врат Анхамемата?

Декакель Ончу чрезвычайно заботят Врата Анхамемата – дальние из двух прыжковых врат станции Лсел, которые ведут в регион космоса, куда еще не дотянулись руки тейкскалаанцев. За последнее время она потеряла не один разведывательный корабль – один еще можно было бы списать на несчастный случай, – а два, и оба в одном и том же месте. Потеряла из-за того, с чем не могла вступить в переговоры. Исковерканные и трещащие от радиоактивных помех сообщения, отправленные перед тем, как разведчики замолчали, казались тарабарщиной; что хуже, потеряла она не только пилотов кораблей, но и долгие имаго-линии памяти, к которым эти пилоты принадлежали. Обобщенные разумы людей и их имаго-линий не спасешь и не поместишь в разум новым пилотам, если не найти тела с имаго-аппаратами – а это невозможно, ведь они уничтожены.

Остальной Совет это мало заботит – пока что, но еще озаботит в конце собрания, когда Ончу включит те обрывки записей; озаботит всех, кроме Дарца Тараца. Дарц Тарац ощущает прилив ужасной надежды.

Он думает: «Наконец-то есть империя еще больше той,

что пожирала нас по кусочкам. Быть может, время пришло.
Быть может, моим ожиданиям конец».

Но эти мысли он держит при себе.

Глава 1

И вышел из-за крупного газового гиганта по координатам B5682.76R1 корабль, и встала на носу его императрица Двенадцать Солнечная Вспышка, и осияла пламенем своим бездну из края в край. Лучи света ее, раскинувшиеся подобно копьям-спицам ее трона, коснулись металлических корпусов, где обитали люди сектора B5682, и озарили их. Десять небесных тел зафиксировали сенсоры корабля Двенадцать Солнечной Вспышки, один наподобие другого, и впредь это число не росло. Мужи и жены в тех корпусах не знали ни времен года, ни подъема, ни упадка, но жили бесконечно на орбите, дома планетного не имея. Крупнейший из тех корпусов именовался станцией Лсел – что на наречии ее народа означает «станция, которая слышит и которую слышат». Но местные с годами замкнулись в себе и с неохотой шли на контакт, хотя были способны к языку и тотчас к обучению приступили...

«История экспансии», книга V, строки 72–87, аноним, приписывается историку-поэту Псевдо-Тринадцать Река, работавшему во времена правления императора всего Тейкскалаана Три Перигея

Для путешествия в империю Тейкскалаан требует следующие удостоверения личности: а) генетическая запись, подтверждающая исключительное право собственности на свой генотип и отсутствие клонродов, ИЛИ нотариально заверенный документ о том, что ваш генотип уникален как минимум на 90 процентов и ни одно другое лицо не имеет на него ЗАКОННОГО права; б) перечень товаров, имущества, валюты и объектов интеллектуальной собственности для ввоза; в) разрешение на работу от зарегистрированного в Тейкскалаанской системе работодателя, подписанное и нотариально заверенное, с указанием зарплаты и обеспечения, ИЛИ справка об отличных результатах на экзаменах Тейкскалаанской империи, ИЛИ приглашение от физического лица, государственной организации, бюро, министерства либо другого уполномоченного лица вместе с уточнением дат пребывания в космосе империи, ИЛИ справка, подтверждающая наличие средств для самообеспечения...

Анкета 721Q, заявление на получение визы в иностранных секторах

Махит опускалась к Городу – столичной планете в сердце Тейкскалаанской империи – на семени-челноке: скорее

пузыре, чем судне, где едва ли вмещались ее тело и багаж. Она вылетела с борта имперского крейсера «Кровавая Жатва Возвышения» и прожигала атмосферу на траектории к поверхности планеты, из-за чего вид искажался. Таким она впервые увидела Город своими собственными глазами – не на инфокарте, голограмме или имаго-воспоминании: в нем-бе белого пламени, светящимся, словно бесконечное мерцающее море: целая планета, обращенная в величественный и урбанистический экуменополис. Здесь даже темные пятна – еще не одетые в металл старые метрополии, пришедшие в упадок районы, укрошенные остатки озер, – казались *населенными*. Лишь океаны остались нетронутыми – но тоже переливались, словно сине-бирюзовый бриллиант.

Город был очень красивым и большим. Махит нередко бывала на планетах – ближайших к станции Лсел, не совсем враждебных для человеческой жизни, – и тем не менее увиденное повергло ее в благоговение. Быстрее забилося сердце; от пота прилипли ладони к ремням безопасности. Город выглядел именно так, как его всегда описывали в тейкскаланских документах и песнях: жемчужина в сердце империи. С сияющей атмосферой в придачу.

<Такое впечатление и задумывалось>, – сказал ее имаго. Он был слабым привкусом помех на кончике языка, проблеском серых глаз и темной от загара кожи на периферии зрения. Голос на задворках разума, но не совсем ее: где-то ее лет, но мужской, и задорно-самодовольный, и *рад* оказаться

здесь не меньше ее. Она почувствовала, как ее губы изгибаются в его улыбке – тяжелее и шире, чем комфортно мышцам ее лица. Они еще не привыкли друг к другу. Его выражения еще были слишком сильными.

«Проваливай из моей нервной системы, Искандр», – послала она ему мысль с шутливым укором. Имаго – то есть имплантированной, интегрированной памяти предшественника, наполовину обитающей в ее неврологии, а наполовину – в маленьком керамико-металлическом аппарате, прицепившемся к спинному мозгу, – не полагалось захватывать нервную систему без согласия носителя. Впрочем, в самом начале отношений *согласие* – штука сложная. Версия Искандра в ее разуме все еще помнила, что имеет тело, так что иногда он пользовался телом Махит как своим собственным. Ее это беспокоило. Между ними все еще оставалось *расстояние* – а пора бы уже стать единым человеком.

Впрочем, в этот раз он удалился легко: искрящая щекотка, электрический смех.

<Как пожелаешь. Можешь показать, Махит? Хочется еще разок полюбоваться>.

Опять взглянув на Город – уже ближе, и космопорт поднимался навстречу челноку, словно цветок из страховочных сеток, – она пустила имаго посмотреть ее глазами и ощутила прилив его восторга, как свой собственный.

«Что ты там видишь?» – подумала она.

<Мир>, – ответил имаго, который при жизни был лсел-

ским послем в Городе, а не звеном длинной цепочки живой памяти. Он ответил на тейкскалаанском, омонимом: одно и то же слово обозначало и «мир», и «Город», а также «империя». Уточнить невозможно, особенно на высшем имперском диалекте. Приходилось следить за контекстом.

У Искандра контекст был двусмысленным – к чему Махит уже привыкла. И терпела. Несмотря на все ее годы изучения тейкскалаанских языка и литературы, его владение находилось на качественно ином уровне – который достигается только после практики в языковой среде.

<Мир, – повторил он, – но и края мира>. «Империя – но и места, где империя заканчивается».

Махит тоже ответила на тейкскалаанском – вслух, потому что больше в челноке не было никого, кроме нее.

– Ты сказал бессмыслицу.

<Да, – согласился Искандр. – В мою бытность послем я привык говорить бессмыслицу. Сама попробуй. Это довольно забавно>.

В ее теле, один на один, Искандр пользовался самыми фамильярными формами обращения, будто они с Махит клонроды или любовники. Самой Махит не доводилось произносить их вслух. На станции Лсел у нее остался биологический младший брат – ничего более похожего на клонрода у нее никогда не будет, – но он понимал только язык станционников, так что говорить ему «ты» на тейкскалаанском было и бесполезно, и невежливо. На «ты» она могла бы обращать-

ся к тем немногим, кто учился вместе с ней на языковых и литературных курсах – например, ее старая подруга и одноклассница Шарджа Торел поняла бы комплимент правильно, но Махит и Шарджа не разговаривали с тех пор, как Махит отобранили для того, чтобы стать новым послом в Тейкскалаа-не и принять имаго предыдущего. Причина их мелкой ссоры была очевидной и пустячной, и Махит об этом жалела – но исправить уже ничего не получится, разве что извиниться в письме из центра империи, который мечтали повидать и она, и Шарджа. То есть это вряд ли поможет.

Город приближался, заполнял горизонт – обширный изгиб, в который она падала. Обратилась к Искандру: «Я теперь посол. Могу говорить и со смыслом. Если захочу».

<Ты говоришь верно>, – ответил Искандр комплиментом, который тейкскалаанец может сказать малышу ясельного возраста.

Гравитация поймала семя-челнок и проникла в кости бедер и предплечий Махит, передавая ощущения вращения. Закружилась голова. Внизу распахнулись сети космопорта. Какой-то миг казалось, что она падает – что она упадет на поверхность планеты и останется только мокрое место.

<У меня было так же, – поспешил сказать Искандр на станционном языке – родном наречии Махит. – Не бойся. Ты не падаешь. Это все планета>.

Космопорт подхватил ее практически без толчка.

Теперь было время собраться с силами. Челнок ставили в

длинную очередь таких же кораблей, везли по длинному конвейеру, пока каждый не опознавался и не прибывал к назначенному гейту. Махит поймала себя на том, что репетирует приветствие имперцев на другой стороне, будто студент-первогодка перед устным экзаменом. Имаго оставался бдительным, гудящим ощущением на задворках разума. Время от времени он пользовался ее левой рукой – пальцы барабанили по ремням в чьем-то чужом нервном жесте. Махит жалела, что они не успели свыкнуться друг с другом.

Но она не проходила обычную процедуру имплантации имаго и интегративной психотерапии в течение года, а то и больше, под внимательным наблюдением психолога с Лсела: ей с Искандром досталось каких-то жалких три месяца, а теперь они приближались к месту назначения, где придется *работать* вместе – работать как один человек, собранный из цепи воспоминаний и нового хозяина.

Когда прибыл корабль «Кровавая Жатва Возвышения», завис на параллельной орбите у солнца станции Лсел и потребовал нового посла в Тейкскалаан, никто не объяснял, что случилось с предыдущим. Махит не сомневалась, что в Лселском совете было немало политических прений по поводу того, что – и кого – отправить, с какими требованиями об ответах. Но одно Махит знала точно: она – из немногих станционников, которые уже доросли для работы, но еще не вступили в линию имаго, и из еще более редких станционников с подходящими дипломатическими способностями

или подготовкой. Из них Махит была лучшей. Ее результаты в имперских экзаменах по тейкскалаанским языку и литературе граничили с результатами гражданина империи, чем она гордилась: еще полгода со времен экзаменов воображала, как однажды – когда-нибудь в среднем возрасте, уже остепенившись, – прилетит в Город и начнет коллекционировать впечатления, посетит салоны, открытые в этом сезоне для неграждан, будет собирать сведения для тех, с кем поделится своей памятью после смерти.

И вот, пожалуйста, она в Городе: что важнее любых тейкскалаанских экзаменов, ее результаты по имаго-способностям были сплошь «зелеными, зелеными, зелеными». Ее имаго стал Искандр Агавн, предыдущий посол в Тейкскалаане. Ныне чем-то не устроивший империю – умер, или опозорен, или – если еще живой – в заложниках. В указания Махит входила задача узнать, что же с ним не так, – но зато ей достался его имаго. И он – или по крайней мере его имевшаяся в наличии последняя версия, устаревшая на пятнадцать лет, – это лучший знаток тейкскалаанского двора, кого только мог найти для нее Лсел. Уже в который раз Махит задумалась, не будет ли ее ждать сам Искандр во плоти, когда она сойдет с челнока. Даже не знала, что проще: встретить его – опозоренного посла? Своего соперника? Но зато можно будет вернуть его новый имаго? – или же не встретить, а следовательно, он умер, так и не передав молодому преемнику все, что узнал за жизнь.

Имаго-Искандр в голове оказался ненамного старше ее самой, что одновременно и облегчало поиски общего языка, и смущало их – по большей части имаго были стариками или рано умершими станционниками, – но с Искандра последнюю запись знаний и памяти сняли, когда он возвращался на Лсел в отпуск, всего спустя пять лет после своей отправки в Город. С тех пор миновало еще полтора десятилетия.

Итак, он молод, как и она, а все возможные преимущества от интеграции подкосило слишком короткое время вместе. Две недели от прибытия курьера до момента, когда Махит сообщили, что следующим послом станет она. Еще три недели они с Искандром учились под присмотром станционных психотерапевтов жить вместе в теле, ранее принадлежавшем ей одной. Долгий растянувшийся срок на «Кровавой Жатве Возвышения», преодолевавшем субсветовые расстояния между прыжковыми вратами, рассыпанными по всему космосу, словно драгоценные камни.

Семя-челнок растрескалось, как созревший плод. Втянулись в ложе ремни. Взяв в обе руки багаж, Махит ступила в гейт – и в сам Тейкскалаан.

Космопорт встречал просторной утилитарностью в виде износостойкого ковра и четких указателей на стенах из стекла и стали. Посреди рукава – ровно на полпути между челноком и самим космопортом – стояла имперская чиновница Тейкскалаана в кремовом костюме идеального покроя. Она была маленькой: узкие плечи и бедра, куда ниже Махит, во-

лосы – в черной косе «рыбий хвост», лежащей на левом лацкане. Рукава – широкие, как трубы, пламенно-рыжего цвета у плеч, – <расцветка министерства информации>, подсказал Искандр, – и темнеющие до темно-красных обшлагов – привилегия титулованных придворных. На левом глазу она носила «облачную привязку» – стеклянный окуляр с нескончаемым и непроглядным потоком данных, идущих из имперской информационной сети. Устройство казалось лощеным и стильным – как и вся она. Большие темные глаза и тонкие скулы и губы были слишком изящными для тейкскалаанской моды, но по станционным меркам чиновница считалась *интересной*, если не откровенно прелестной. Она вежливо свела перед грудью пальцы и склонила голову.

я с Искандр вскинули руки Махит в том же жесте – и она уронила обе сумки с постыдным грохотом. Она пришла в ужас. Таких промашек они не допускали с самой первой недели совместной жизни.

«Твою мать», – подумала она и в тот же момент слышала, как <твою мать> говорит Искандр. Такое эхо не слишком-то успокоило.

Аккуратно нейтральное выражение лица чиновницы не изменилось. Она произнесла:

– Госпожа посол, я Три Саргасс, асекрета и патрицианка второго класса. Для меня честь принимать вас в Жемчужине Мира. По указу его императорского величества Шесть Пути я буду вашей культурной посредницей, – возникла долгая

пауза, затем чиновница тихо вздохнула и продолжила: – Вам нужна помощь с вещами?

«Три Саргасс» было старомодным тейкскалаанским именем: инициаль-числительное – низкого достоинства, а финаль-существительное – название растения, хоть раньше Махит и не встречала такого слова в имени. Все финали тейкскалаанских имен – это какие-либо растения, инструменты или неодушевленные предметы, но большинство растительных – все-таки *цветы*. «Саргасс» – что-то запоминающееся. «Асекрета» означает, что она не просто из министерства информации, как предположил ее помощник, но и подготовленный агент высокого звания, причем с придворным титулом патриция второго класса: аристократка, но не особенно значительная или состоятельная.

Махит оставила руки так, как их сложил Искандр – и как полагалось по этикету, хоть она и злилась из-за способа, каким они туда попали, – и поклонилась.

– Посол Махит Дзмаре со станции Лсел. К вашим услугам и к услугам его величества, да будет его власть сияющим пламенем в бездне, – раз это ее первый официальный контакт с тейкскалаанским двором, она употребила почетное обращение, которое аккуратно подобрала после совещания с Искандром и Лселским советом: «сияющее пламя» – прозвище императрицы Двенадцать Солнечная Вспышка в «Истории экспансии, приписываемой Псевдо-Тринадцать Реке», где впервые упоминалось имперское присутствие в космосе

станционников. Таким образом, сейчас Махит показывала как свою эрудицию, так и уважение к Шесть Пути и его титулу; а вот слово «бездна» аккуратно обходило тейкскалаанские претензии на те части космоса станционников, которые *не являлись* космосом.

Знала ли подтекст этой отсылки Три Саргасс, понять было трудно. Она терпеливо дождалась, пока Махит снова подхватит багаж, и тогда сказала:

– Держите покрепче. Вас срочно ожидают в Юстиции по вопросу касательно предыдущего посла, и по дороге вы еще встретите людей самого разного положения.

Ну хорошо. Махит не будет недооценивать способность Три Саргасс к ехидству – как и ее способности в остроумии. Она кивнула, и, когда чиновница развернулась на месте и двинулась по рукаву, последовала за ней.

<Здесь никого не стоит недооценивать, – заметил Искандр. – Культурная посредница провела при дворе половину твоей жизни. Она свою должность заслужила>.

«Нечего теперь поучать – сам выставил меня растерявшейся варваркой».

<Мне что, извиниться?>

«А ты раскаиваешься?»

Махит слишком легко представила его выражение лица: лукавое, спокойное, как у тейкскалаанца; полные губы, помнившиеся по его голограммам, раздвинули и перекосили ее собственные.

<Не хочу, чтобы ты чувствовала себя варваркой из-за меня. Этого ты еще вдоволь наслушаешься от них>.

Вовсе не раскаивается. Была хотя бы ничтожная вероятность, что он сконфужен, но если и так, то это он чувствовал в обход ее эндокринной системы.

* * *

В следующие полчаса ею руководил Искандр. Махит даже не могла обидеться. Он вел себя в точности так, как и полагается вести себя имаго – кладезю инстинктивных и автоматических навыков, которые еще не успела накопить сама Махит. Он знал, когда пригибаться в дверях, сделанных по росту тейкскалаанцев, а не станционников; когда прятать глаза от растущего блеска Города, отражавшегося в стекле лифта, который полз вниз по внешней стене космопорта; насколько поднять ногу, чтобы сесть в наземную машину Три Саргасс. Исполнял ритуалы вежливости, как местный. После промашки с багажом он остерегался двигать руками, зато Махит позволила ему командовать, как долго поддерживать зрительный контакт и с кем, под каким углом склонять голову в приветствии, – всеми мелочами, что обозначали: она не такая уж чужая, не такая уж варварка, в Городе по праву. Защитная окраска. Чтобы слиться с местными, не будучи местной. Она чувствовала, как любопытные взгляды соскальзывали с нее и приковывались к куда более интересному при-

дворному платью Три Саргасс, и дивилась, насколько же Искандр любил Город, раз настолько в нем освоился.

В наземной машине Три Саргасс спросила:

– Вы уже много времени провели в мире?

Махит пора было перестать думать на любом языке, кроме тейкскалаанского. Три Саргасс заводила стандартный вежливый разговор – «вы уже были в моей стране?» – а для ушей Махит это прозвучало чуть ли не экзистенциальным вопросом.

– Нет, – сказала она, – но я с самого детства читала классику и часто думала о Городе.

Похоже, такой ответ Три Саргасс одобряла.

– Не хочу вам наскучить, госпожа посол, – сказала она, – но если желаете краткую устную экскурсию по достопримечательностям на нашем маршруте, то я с удовольствием прочитаю соответствующий стих. – Она щелкнула кнопкой со своей стороны машины, и окна стали прозрачными.

– Это не может наскучить, – честно ответила Махит. Город снаружи был сливающимся пятном из стали и бледного камня, по стеклянным стенам небоскребов скользили неоновые огни. Они находились на одном из центральных колец, что спиралью шло через муниципальные здания к самому дворцу. Собственно, это был скорее не дворец, а город-внутри-города. По статистике, в нем насчитывалось несколько сотен тысяч обитателей, и любой даже в мелочах отвечал за работу империи – от садовников до самого Шесть Пути:

каждый подключен к информационной сети, гарантированной гражданам, и каждого постоянно омывал поток данных, диктовавший, где быть, что делать, как пойдет сюжет их дня, недели и эпохи.

Голос у Три Саргасс был великолепный. Она читала «Здания» – поэму в семнадцать тысяч строк с описаниями архитектуры Города. Махит не знала, какую именно версию она выбрала для декламации, но винить в этом могла только себя. В тейкскалаанском каноне у нее имелись свои излюбленные повествовательные поэмы, и в подражание имперской интеллигенции (и чтобы сдать устные части на экзаменах) она заучила столько, сколько могла, но «Здания» ей всегда казались скучноватыми. Теперь же, когда их читала Три Саргасс по пути мимо описываемых зданий, все было иначе. Она была умелым оратором и достаточно владела метрической схемой, чтобы вносить забавные и релевантные авторские штришки, где есть место импровизации. Махит сложила руки на коленях и следила, как за стеклянными окнами скользит поэзия.

Так вот он каков, Город, Жемчужина Мира, сердце империи: смешение повествования и восприятия – Три Саргасс на лету правила канонический текст, если само здание изменилось со времен написания. Через некоторое время Махит осознала, что Искандр читает с ней хором – слабый шепот на задворках разума – и что этот шепот успокаивает. *Он* этот стих знает, а значит, если потребуется, его знает и она. Для

того, в конце концов, и нужны имаго-линии: чтобы полезные воспоминания переходили из поколения в поколение.

Через сорок пять минут и два затора Три Саргасс закончила строфу и остановила машину у подножия здания почти в центре дворцовых территорий – да не здания, а настоящего иглоподобного столба.

<Комплекс юстиции>, – подсказал Искандр.

«Это не к добру»? – спросила Махит.

<Зависит от того, что я сделал>.

«Что-то незаконное. Брось, Искандр, набросай хотя бы общее представление о возможностях. Что тебе надо было сделать, чтобы угодить в тюрьму?»

Махит показалось, будто Искандр вздыхает, но все же почувствовала в адреналиновых железах тошнотворное ощущение чьей-то чужой нервозности.

<М-м. Главным образом, крамола>.

Теперь она жалела, что не разбирается, когда он шутит, а когда – нет.

Столб здания Юстиции был окружен кордоном из охранников в серой форме, теснее всего стоявших у дверей: контрольно-пропускной пункт. Охранники носили длинные и тонкие темно-серые палки, а не энергетическое оружие, любимое тейкскалаанскими легионами. На него Махит насмотрелась на «Кровавой Жатве Возвышения» – но это видела впервые.

<Электродубинки, – сказал Искандр. – Электрические

средства для сдерживания толпы – вот их в ходу *не было*, когда я возвращался на станцию. Это оружие для разгона беспорядков – по крайней мере, в массовых развлекательных вещах>.

«Ты устарел на пятнадцать лет, – подумала Махит. – Много могло измениться...»

<Это центр дворца. Если они волнуются насчет беспорядков рядом с Юстицией, что-то не просто *изменилось* – что-то *неладно*. Теперь пойди и узнай, что я там натворил>.

Махит гадала, что же могло быть настолько неладно, чтобы собирать перед дверями министерства охранный фарс, и не *приложил ли к этому руку* Искандр. Она почувствовала, как по спине и рукам пробежали мурашки, неприятное ощущение в локтевых нервах, но не успела погрузиться в еще более тревожные мысли, потому что Три Саргасс уже вела дальше. Как и Махит, она сдала отпечатки больших пальцев, а потом вежливо отвернулась, пока охранница-тейкскалаанка целомудренно прошупывала карманы дорожной куртки и штанов Махит. Здесь же со всеми церемониями приняли багаж и обещали, что его вернут на выходе.

Когда охраннице надоело нарушать все табу личного пространства, она посоветовала Махит не отклоняться от маршрута без сопровождения, поскольку ее личность не записана в облачной привязке и не имеет других полномочий находиться в министерстве. Махит вопросительно подняла бровь, глядя на Три Саргасс.

– Были некоторые затруднения из-за оперативности, – объяснила та, бодро следуя через множество раздвигающихся дверей-диафрагм в прохладный вестибюль с облицованным полом, в сторону ряда лифтов. – Разумеется, вашей регистрацией и разрешением на перемещение по дворцовому комплексу займутся как можно скорее.

– Я находилась в пути больше месяца, но все равно были затруднения из-за оперативности? – спросила Махит.

– *Мы* ждали *три* месяца, госпожа посол. С тех пор, как послали за новым представителем станции.

<Должно быть, я натворил что-то масштабное, – сказал Искандр. – Здесь под землей есть тайные залы для суда и допросов – или так всегда говорили дворцовые сплетни>.

Лифт издавал сигнал в квартях.

– И после трех месяцев что-то значит какой-то лишний час?

Три Саргасс пригласила Махит в лифт перед собой – это был в каком-то смысле ответ, пусть и неинформативный.

Они спустились.

Внизу ожидал зал, который вполне мог бы быть судебным или анатомическим: сине-металлический пол, скамьи на амфитеатре вокруг высокого стола, где под тканью лежало что-то большое. Прожекторы. Три тейкскалаанца, все с широкими скулами и широкими плечами, один – в красной рясе, второй – с теми же кремово-рыжими цветами министерства информации, что и у Три Саргасс, и третий – в темно-сером

костюме, причем цвет напомнил Махит не иначе как металлический отблеск электродубинок. Они приглушенно и возбужденно спорили вокруг стола, загораживая от Махит то, что на нем лежало.

– Перед его возвращением я бы все еще хотел провести собственный анализ для моего министерства, – сказал в раздражении придворный из министерства информации.

– Нет ни единой уважительной причины просто отдать его, – сказал непререкаемым тоном тейкскалаанец в красном. – Это нам не *на пользу* и может разжечь инцидент...

Темно-серый Костюм не согласился.

– Вопреки мнению вашего министерства, икспланатль, я совершенно уверен, что любой связанный с ними инцидент принесет хлопот не больше, чем укус насекомого, и уладить его будет ненамного сложнее.

– Ох, вашу мать, *потом* договорим, – сказал чиновник из Информации, – они уже здесь.

Как только они вошли, человек в красном обернулся навстречу, словно предугадывая их появление. Потолок здесь был в виде низкого купола. Махит представился пойманный под землей пузырь газа. Затем она поняла, что предмет на столе – это труп.

Он лежал под тонкой простыней, натянутой до голого торса, – руки сложены на груди, кончики пальцев соприкасаются, словно приветствуя какую-то загробную жизнь. Щеки запали, а открытые глаза подернуло синеватым туманом. Тот

же оттенок проник в его губы и ногтевые ложа. Казалось, он мертв уже давно. Возможно... три месяца.

Так же четко, как если бы он стоял рядом, Махит с ужасом и изумлением услышала слова Искандра:

<Я постарел>.

Ее трясло. Сердце забилося чаще, заглушая представления Три Саргасс. Ни с того ни с сего захлестнуло головокружение – хуже, чем при падении на планету, – паника. Не ее паника – Искандра: ее собственный имаго переполнял тело ее же гормонами стресса, адреналином в таком количестве, что во рту почувствовался металлический привкус. Губы у трупа были вялыми, но в уголках она видела морщины от улыбки, представила, как мышцы Искандра со временем проложили бы их у ее собственных губ.

– Как видите, посол Дзмаре, – сказал человек в красном, чье имя Махит пропустила, – в новом после есть острая необходимость. Прошу прощения за то, что сохранили его в таком виде, но мы не хотели с неуважением повредить каким-либо похоронным процедурам, которые предпочитает ваш народ.

Она подошла ближе. Труп оставался мертвым – оставался неподвижным, безжизненным и пустым. <Твою мать>, – сказал Искандр шорохом тошнотворных помех. Махит с ужасной, беспомощной уверенностью знала, что ее сейчас стошнит. – <Ох, твою мать, я так не могу>.

Махит вспомнила (или вспомнил Искандр – ей стало труд-

но различать, а интеграции не полагалось проходить так, она не должна теряться, пока его биохимическая паническая реакция перехватывает эндокринную систему), что отныне Искандр существует только в ее голове. Она принимала в расчет, что он мертв, когда Тейкскалаан затребовал нового посла, представляла это умозрительно, готовилась, и все же – вот он – *труп*, пустая гниющая оболочка, и она паниковала, потому что запаниковал ее имаго, а всплеск эмоций – это самый легкий способ угробить незаконченную интеграцию: всплеск эмоций выжжет все крошечные микросхемы аппарата в ее разуме, и «твою мать, он мертв», и «твою мать, я мертв», и *туман*, тошнотворный туман вокруг.

«Искандр», – подумала она, пытаясь его утешить, но проваливаясь с треском.

<Подойди ближе>, – сказал он ей. – <Я должен видеть. Я не уверен...>

Он придвинул их раньше, чем она решила, подчиниться ему или нет. Она словно отключилась на время, за которое подошла к труп, – моргнула и вдруг уже *оказалась там*, – и все шло очень, очень плохо, а она не могла помешать...

– Мы сжигаем наших мертвецов, – сказала она и сама не знала, кого благодарить за то, что сказала на правильном языке.

– Какой интересный обычай, – ответил темно-серый придворный. Махит показалось, что он сам из Юстиции; скорее всего, морг в его ведении, даже если патологоанатом – это

человек в красном.

Махит улыбнулась ему – слишком широкой улыбкой для своего лица и слишком безумной – для Искандра, улыбкой, что ужаснет любого безмятежного тейкскалаанца.

– А потом, – сказала она, на шаривая правильный лексикон, опору, чтобы удержаться под накатывающими волнами адреналина, – мы едим прах, который считается священным. Сперва – дети и преемники. Если есть.

Придворному хватило вежливости побледнеть и упрямства – повториться.

– Какой интересный обычай.

– А что делаете вы? – спросила Махит. Подошла ближе к трупу Искандра, буквально сама не своя. Пока что рот вроде бы находился под ее управлением, но вот ноги принадлежали Искандру. – Прошу прощения за вопрос. В конце концов, я не гражданка.

– Обычно хороним, – сказал человек в красном так, будто отвечал на этот вопрос каждый день. – Желаете осмотреть тело, госпожа посол?

– Для этого есть какие-то причины? – спросила Махит, но сама уже оттягивала простыню. Пальцы вспотели, скользили по ткани. Труп был голым – мужчина лет сорока, кожа в самых прозрачных местах обрела тот самый голубоватый оттенок. Инъекционный консервант, во всем теле. Уколы так и бросались в глаза – дырки, окруженные нимбом из бледной и опухшей кожи, на каротидной артерии и локтевых

венах обеих рук. Дополнительная точка у основания правого большого пальца, перекосившая ладонь. После очередной отключки она уставилась на нее: только что смотрела на лицо, а теперь – на запястье, словно имаго нужно было увидеть все изменившиеся места на своем старом теле. Даже если Махит, как преемнице, захотелось бы потребовать прах – а она сомневалась, что ей хотелось, – казалось очень неразумным употреблять внутрь то, что вводил человек в красном. Три месяца без признаков гниения. В горле так и чувствовалась желчь, где-то за металлическим эндокринным водопадом. Тела должны *разлагаться* и перерабатываться.

Но империя сохраняла все, снова и снова пересказывала одни и те же истории; почему бы не сохранять и плоть вместо того, чтобы найти для нее полезное применение?

Она касалась запястья, имаго водил ее пальцем по месту инъекции и дальше, по ладони, прослеживая след какого-то шрама. Плоть была резиновой, пластмассовой на ощупь, поддавалась одновременно слабо и чересчур – у *ее* Искандра еще не было этого шрама; ее Искандр еще не *умер*, – и вот очередная тошнотворная волна головокружения, зрение по краям заискрилось и замельтешило, и она снова подумала: «Мы так спалим всю проводку, прекрати...»

<Не могу>, – снова ответил Искандр – огромное отрицание в ее разуме, разрыв, словно ушедший в землю разряд, – и тут он *пропал*.

Мертвая тишина. Даже без ощущения, что он смотрит

глазами Махит. Она почувствовала себя невесомой, переполненной эндорфинами, которые выплеснулись ненамеренно и в ужасном одиночестве. Язык отяжелел. Стал на вкус как алюминий.

С ней еще не происходило ничего подобного.

– Как он умер? – спросила она и поразилась, что говорит совершенно нормально, совершенно невозмутимо; спросила исключительно *разговора* ради. Ни один тейкскалаанец не знал об имаго, ни один даже не понял бы, что сейчас с ней произошло.

– Задохнулся, – сказал человек в красном, привычно дотронувшись до шеи трупа двумя пальцами. – Закрылось горло. Весьма прискорбно; но часто физиология неграждан так сильно отличается от нашей.

– Он съел то, на что у него *аллергия*? – спросила Махит. Какой-то абсурд. Она оцепенела от шока, и Искандр, похоже, умер от анафилаксии, и если она не будет держать себя в руках, то начнет истерически хохотать.

– На ужине с министром науки Десять Перл, не меньше, – сказал последний придворный – из Информации. Казалось, этот вылез из классической тейкскалаанской картины – его черты лица были невероятно симметричными: пухлые губы, низкий лоб, идеальный нос крючком; глаза – как глубокие бурые озера. – Вы бы видели новостные трансляции, госпожа посол; таблоиды как с ума сошли.

– Двенадцать Азалия не хотел вас задеть, – сказала Три

Саргасс со своего места у дверей. – Новости не разошлись за пределы дворцового комплекса. Такое не стоит знать обычным гражданам.

Махит вернула простыню на подбородок трупа. Не помогло. Он все еще был *там*.

– И станциям не стоит знать? – спросила она. – Курьер, просивший о моем присутствии в Городе, выражался без нужды расплывчато.

Три Саргасс пожала одним плечом, едва заметным движением.

– Госпожа посол, хотя я асекрета, не каждый асекрета осведомлен о решениях министерства информации в целом.

– Что прикажете делать с телом? – справился человек в красном. Махит взглянула на него: высокий для тейкскалаанца. Его глаза, расслабляюще дружелюбные и зеленые, почти наравне с ее. Она даже не представляла, что делать с трупом. Сама она еще никого не сжигала; еще слишком *молодая*. Оба ее родителя живы. А кроме того, было принято звонить распорядителю похорон, и все устраивал *он* – желательно, пока тебя держит за руку кто-нибудь из твоих любимых и плачет с тобой из-за общей утраты.

Что делать конкретно с этим телом, она представляла еще меньше. По Искандру не заплачет никто, даже она, а во всем тейкскалаанском космосе не найдется ни одного сведущего распорядителя похорон.

– Пока ничего, – выдавила она и тяжело сглотнула, что-

бы подавить остатки тошноты. Пальцы словно наэлектризовались – сплошь покалывание там, где они касались кожи мертвеца. – Я, конечно, все решу, когда лучше ознакомлюсь с доступными возможностями. До тех пор – ну, он ведь не сгниет, верно?

– Только очень медленно, – ответил человек в красном.

– Сэр... – Махит обратилась взглядом за помощью к Три Саргасс; она же тут культурный посредник, вот пусть и *посредничает*...

– Икспанатль Четыре Рычаг, – услужливо подсказала Три Саргасс. – Из министерства науки.

– Четыре Рычаг, – продолжала Махит, опустив титул – это означало «ученый» в очень широком смысле, любой ученый со степенью. – Когда гниение станет заметно? Возможно, еще два месяца?

Четыре Рычаг улыбнулся достаточно, чтобы чуть продемонстрировать зубы.

– Два года, посол.

– Превосходно, – сказала Махит. – Времени в достатке.

Четыре Рычаг поклонился над треугольником из пальцев, словно она отдала приказ. Махит заподозрила снисхождение. Смирилась. Ей пришлось. Ей нужно было пространство, чтобы подумать, а здесь его не найти – в кишках Юстиции, в присутствии трех придворных и икспанатля из морга, которые так и ждут, когда она совершит какую-нибудь непоправимую ошибку и закончит так же, как Искандр.

Предан собственной физиологией. После двадцати лет проживания в Городе, где ел то же, что едят тейкскалаанцы. Можно ли в это поверить?

«Искандр, – подумала она в пустое пространство, где должен был быть имаго, – во что ты нас втравил перед смертью?»

Он не ответил. Потянувшись в пустое пространство, она почувствовала, будто падает, хотя и знала, что ноги прочно стоят на полу.

– Я бы хотела, – начала Махит медленно и даже на правильном языке, стараясь скрыть головокружение и страх, – зарегистрироваться законным послом станций в Тейкскалаане, а также получить свой багаж.

Хотела она на самом деле *убраться* отсюда. Как можно скорее.

– Разумеется, госпожа посол, – сказала Три Саргасс. – Икспланатль. Двенадцать Азалия. Двадцать Девять Инфограф. Для меня, как всегда, удовольствие находиться в вашем обществе.

– Как и нам – в твоём, Три Саргасс, – сказал Двенадцать Азалия. – Наслаждайся общением с госпожой послом.

Три Саргасс снова пожала плечом, словно придворную асекрету по-настоящему ничего не могло задеть. Она вдруг понравилась Махит – и тут же стало понятно, что приязненность больше идет от отчаянного поиска союзника, не более. Без имаго ей так *одинок*о. Конечно, он скоро вернется. Как

только пройдет шок. Как только уляжется эмоциональный всплеск. Все в порядке. Она в порядке. Даже больше не кружилась голова.

– Тогда в путь? – сказала Махит.

Глава 2

срочно направьте ваше внимание! / дальнейшее характеризуется важностью и необычностью / НЕМЕДЛЕННО на «Восьмом канале!»

Сегодня Семь Хризопраз и Четыре Платан сообщат новости с Одилии-1 в системе Одилия, где Двадцать Шестой легион под командованием младшего яотлека Три Сумах, завершив атаку на столицу Одилии-1, готовится покинуть орбиту; скоро Четыре Платан выступит с места событий на центральной площади столицы и проведет интервью с Девять Шаттлом, возвращенным в должность губернатора планеты; ожидается, что торговля через Врата Одилии вернется к обычному уровню в следующие две недели...

Ежевечерние новости «Восьмого канала!», трансляция по внутренней облачной сети Города, 245-й день 3-й год 11-го индикта императора всего Тейкскалаана Шесть Пути.

* * *

**ПРОТОКОЛ ПОДЛЕТА К ПРЫЖКОВЫМ
ВРАТАМ, СТР. 2 ИЗ 2**

... замедлиться до 1/128 максимальной субсветовой скорости судна, чтобы приступить к маневрам

уклонения в случае, если в то же время с другой стороны в прыжковые ворота входят корабли нестанционников.

17. Известить о прыжке по местному радио.

18. Известить о прыжке команду и пассажиров.

19. На 1/128 скорости подойти к области самого высокого визуального искажения...

Руководство пилотов станции Лсел, стр. 235

Комнаты посла были полны Искандра, и Махит снова почувствовала в себе пустоту: словно ее вывернули наизнанку и окружили *вещами* имаго вместо того, чтобы напитать его памятью. Перед заселением помещения проветрили – по крайней мере, Махит на это надеялась и предположила из-за открытых окон и антисептического запаха чистящего средства, который сопротивлялся ветру из этих окон, колышающего шторы, – но комнаты казались очень *обжитыми*, причем уже давно.

Искандр-человек любил синий цвет и дорогую с виду мебель из какого-то темного блестящего металла. Благодаря промышленным очертаниям рабочего стола и низкого дивана любой, кто вырос на станции или корабле, без планеты, почувствовал бы себя здесь как дома, но на полу лежали шелковистые и ворсистые ковры с узорами. Махит захотелось – мимолетное восторженное желание – ходить дома босиком чисто ради физического удовольствия, и тут снова вспомнилось, что имаго-преемники подбирались даже по *эстетическим* предпочтениям. Искандру нравилось ходить босиком

по плетеной ткани; как выясняется, ей тоже, хоть раньше и не представлялось возможности.

За внутренней дверью находилась спальня. Искандр повесил на потолок над кроватью металлическую мозаику с тейкскалаанской картой космоса станционников, словно какую-то рекламу. «Спите здесь – спите со всеми богатствами целого сектора!»

Это произведение было столь прекрасно, что почти не казалось безвкусным. Почти.

На прикроватном столике лежала небольшая стопка кодексов и пластиковых листов-инфопленок, очень аккуратная. Махит сомневалась, что Искандр из тех, кто выравнивает вечернее чтение по краешкам, потому что *сама* точно была не из таких. Было бы проще просто *спросить* его – а что делать, если он не вернется? Если этот жуткий всплеск эмоций выжиг все соединения между ее спинным мозгом и имаго-аппаратом раньше, чем они с Искандром успели полностью стать одним человеком? Проведи они вместе больше времени, аппарат бы не имел *никакого значения* – она стала бы Искандром, или Искандр – ею, или они вместе стали бы новым, более полноценным существом по имени Махит Дзмаре, которое знает все, что знал Искандр Агавн, и знает тесно: смешение их мышечной памяти, накопленных навыков, инстинктов и голосов, – как и задумано, новое звено в имаго-линии. Но теперь? Что ей прикажете делать? Написать домой и просить инструкции по ремонту? *Вернуться*

домой – и бросить всю работу незаконченной, включая разгадку того, почему он умер? Хотя бы без его помощи не возникнет языковых барьеров – большую часть времени ей даже сны снились на тейкскалаанском; нередко снился и *Город*, – но стоило только потянуться туда, где со времен их объединения чувствовался его вес, как снова возвращалось то головокружительное, ужасное ощущение *падения*. Она села на край кровати и смотрела на ровные уголки кодексов, пока не убедилась, что не потеряет сознание. Их поправил тот, кто убирался в апартаментах, а это намекало, что все очевидно обличительное здесь уже убрали.

Она уже думает об «обличительном».

Ну, конечно, она думает об «обличительном». Предполагай обман, сказала она себе. Предполагай нечистую игру и подтексты. «Задохнулся». Аллергия – или надышался в какой-то накаленной атмосфере. Всегда политика. Таков уж *Город*. Здесь облачные привязки каждому нашептывают в глаза байки. Интриги и тройные агенты, а ведь она все детство читала и пересказывала эти сюжеты – о, лишь бледное подражание, речитатив с идеальным ритмом для бесстрастных и немых металлических стен станции, это очень помогло в детстве стать популярным и веселым товарищем по играм – да и какая уже разница.

«Думай, как тейкскалаанцы».

Обличающие сведения убрали или представили в невинном свете.

Или их спрятал Искандр, если знал или подозревал о том, что с ним случится. Если был не дурак. (Его имаго дураком не назвать; но имаго *устарел*. За пятнадцать лет люди меняются.)

Махит задалась вопросом, какой станет сама, если проживет здесь достаточно долго. Особенно *без* имаго – не так важно, что имаго *устарел*, важно то, что он *пропал*. И если не вернется (ну, конечно же, вернется, это просто мелкий сбой, *ошибка*, завтра она проснется – а он тут как тут), задуматься придется уже не только об «обличениях», но и о «саботаже». Что-то с ее имаго-аппаратом да случилось – либо саботаж, либо механическая неполадка. Или *личная неспособность интегрироваться*. Возможно, она сама виновата. Его отторгла ее собственная психология. Она передернулась. Руки вдруг закололо, они показались чужими.

– Ваш багаж осмотрен и теперь снова в вашем распоряжении, – сказала Три Саргасс, войдя в дверь-диафрагму спальни Искандра. Махит резко выпрямилась и постаралась сделать вид, будто ни в коем случае не находилась на краю нервного срыва. – Никакой контрабанды. Пока что вы весьма скучная варварка.

– Вы ожидали чего-то интересного? – спросила Махит.

– Вы моя первая варварка, – ответила Три Саргасс. – Я ожидаю всего.

– Вы же наверняка встречали неграждан. Это ведь Жемчужина Мира.

– Встречать – не то же самое, что и посредничать. Вы – моя негражданка, посол. Я открываю для вас двери.

Выбранный глагол был настолько архаичным, что мог считаться и идиоматическим. Махит рискнула показаться не таким хорошим знатоком языка, каким сама себя оптимистично считала, и ответила:

– Кажется, открывать двери – не самое достойное занятие для патриция второго класса.

Улыбка Три Саргасс была ярче большинства эмоций тейкскалаанцев; даже дошла до глаз.

– У вас нет облачной привязки. Вы буквально *не можете* открыть некоторые двери, госпожа посол. Город не знает, что вы настоящая. А кроме того, как вы без меня расшифруете свою почту?

Махит подняла бровь.

– А моя почта зашифрована?

– И уже три месяца ждет ответа.

– То есть, – сказала Махит, встала и вышла из спальни – хоть *эта* дверь ее знает, – вы говорите о почте посла Искандра Агавна, а не моей.

Три Саргасс последовала за ней.

– Никакой разницы. Посол Дзмаре, посол Агавн. – Она покачала ладонью. – Это почта *посла*.

Три Саргасс даже не подозревала, насколько этой разницы нет. Точнее, не будет, если имаго вернется. Махит осознала, что не только переживает из-за механической неполадки, но

и *злится* на Искандра. Пока что всей пользы от него – что он запаниковал, увидев себя мертвым, загнал ее в адреналиновый кризис и бросил с самой странной головной болью в ее жизни, а теперь она осталась наедине со всей неотвеченной почтой его старшей тейкскалаанской версии, почти наверняка убитой, и с культурной посредницей с особым чувством юмора.

– И она зашифрована.

– Конечно. Это не очень уважительно – не шифровать почту посла. – Три Саргасс принесла миску, полную до краев инфокарт-стиками – прямоугольничками из дерева, металла или пластмассы для хранения микросхем, каждый изощренно украшен личной иконографией отправителя. Выудила сразу пригоршню, зажав между пальцев, будто ее костяшки отрасли когти. – С чего желаете начать?

– Если почта адресована мне, то и читать должна я сама, – сказала Махит.

– С точки зрения закона я ваш полный эквивалент, – ответила Три Саргасс любезно.

Любезности было мало. Может, Махит и хотелось бы найти союзника – хотелось бы, чтобы Три Саргасс несла пользу, а не непосредственную угрозу, учитывая, что она будет жить по соседству и *открывать двери* столько, сколько длится срок ее службы, учитывая, что Махит начинала осознавать, в какой западне оказалась, учитывая, что для всевидящего ока Города она вообще *ненастоящая*, – в общем, мо-

жет, Махит и *хотелось* бы, но это еще не делает Три Саргасс настоящим продолжением ее воли, в чем бы там ни убеждала сама посредница.

– Возможно, с точки зрения тейкскалаанского закона, – сказала Махит. – С точки зрения станционников – ничего подобного.

– Госпожа посол, надеюсь, вы не считаете меня ненадежной для того, чтобы помогать вам при дворе.

Махит пожала обоими плечами, широко развела руками.

– А что стало с культурным посредником моего предшественника? – спросила она.

Если вопрос и потревожил Три Саргасс, то это не дошло до ее лица. Ответила она бесстрастно:

– Сразу по окончании своего двухлетнего срока службы он получил другое назначение. Насколько я знаю, сейчас его нет в дворцовом комплексе.

– Как его звали? – спросила Махит. Будь с ней Искандр, она бы и так знала: те два года службы – это два его первых года в Городе, как раз в пределах пяти лет в памяти имаго.

– Кажется, Пятнадцать Двигатель, – довольно легко ответила Три Саргасс – и Махит пришлось схватиться за края стола Искандра, повиснуть, когда ни с того ни с сего ее захлестнул целый комплекс эмоций: теплота и досада, отголосок лица с облачной привязкой в бронзовой оправе, прятаншей всю левую глазницу от скулы до лба. Пятнадцать Двигатель, каким его помнил Искандр-имаго. Проблеск воспо-

минаний – *рой* воспоминаний – и Махит снова потянулась к имаго, подумала: «Искандр?» И ничего не услышала.

Три Саргасс следила за ней. Махит представила, как выглядит со стороны. Наверняка бледная и рассеянная.

– Я бы хотела с ним переговорить. С Пятнадцать Двигателем.

– Я вас уверяю, – ответила Три Саргасс, – что у меня широкий опыт и необычайно высокие оценки по всем известным способностям, необходимым для работы с негражданами. Не сомневаюсь, что мы поладим.

– Асекрета...

– Прошу, зовите меня Три Саргасс, посол. Ведь я ваша посредница.

– Три Саргасс, – сказала Махит, с трудом не повышая голос, – я бы хотела спросить *вашего* предшественника о том, как вел дела *мой* предшественник, а возможно, и об обстоятельствах его весьма скоропостижной – и судя по количеству почты, еще и несвоевременной – кончины.

– Ах вот как, – сказала Три Саргасс.

– Да, так.

– Его смерть в самом деле, как вы выразились, несвоевременна, но совершенно случайна.

– Не сомневаюсь, но он все-таки мой *предшественник*, – сказала Махит, зная, что если Три Саргасс настолько тейкскалаанка, насколько ею выглядит, то сама культура обязывает рассказать в мельчайших подробностях о че-

ловеке, который раньше занимал ее положение в обществе; это как спросить о потенциальном имаго на станции Лсел. — Так что мне бы хотелось поговорить с теми, кто его знал настолько, насколько мы узнаем друг друга. — Она попыталась вспомнить в точности, насколько Искандр расширял ее глаза в тейкскалаанской улыбке, и повторить выражение по ощущению.

— Госпожа посол, я всячески сочувствую вашему нынешнему... положению, — сказала Три Саргасс, — и отправлю сообщение Пятнадцать Двигателю, где бы он сейчас ни находился, *вместе с остальными ответами на почту.*

— ... на которую сама я ответить не могу, потому что она зашифрована.

— Да! Но я могу дешифровать практически все стандартные коды и большинство нестандартных.

— Вы так и не объяснили, почему почту шифруют так, что я не могу справиться *сама.*

— Что ж, — сказала Три Саргасс, — не хочу показаться высокомерной. Уверена, на своей станции вы считаетесь весьма образованным человеком. Но в Городе шифр обычно основан на стихах, а мы ведь не можем требовать, чтобы неграждане учили их наизусть. Почта посла шифруется для того, чтобы продемонстрировать, что посол — человек интеллигентный, не понаслышке знакомый с двором и придворной поэзией; таков обычай. Это не настоящий шифр, а скорее игра.

– На Лселе, между прочим, тоже есть поэзия.

– Знаю, – сказала Три Саргасс с таким сочувствием, что Махит захотелось взять ее за плечи и встряхнуть, – но вот, взгляните сами. – Она подняла алый лакированный инфокарт-стик, две половинки которого скрепляла круглая золотая сургучная печать с вытисненным стилизованным изображением Города – символом Тейкскалаанской империи. – Это определено для вас, дата сегодняшняя, – она взломала печать, и инфокарта пролилась в воздух между ними – поток голографических словоформ на тейкскалаанице, которую, казалось Махит, она просто-таки *должна* понимать. Она же с детства читала имперскую литературу.

Три Саргасс коснулась своей облачной привязки:

– Вообще-то я уверена, что это расшифровать вы можете – вы же разбираетесь в политическом стихе?

– Пятнадцатислоговые ямбические строфы с цезурой между восьмым и девятым слогами, – ответила Махит, не сразу заметив, что говорит скорее как студент на устном экзамене, чем эрудированный подданный Тейкскалаана, но не зная, как перестать. – Это просто.

– Да! Итак, шифр для большинства придворных сообщений – простая перестановка с первыми четырьмя строфами лучшего энкомия прошлого сезона – это хвалебная поэзия, о чем, не сомневаюсь, вам известно, если вы умеете считать слоги и цезуры. Уже несколько *месяцев* это «Песнь рекламации» Два Календаря. Могу найти вам издание, если *действи-*

тельно желаете сами расшифровывать свою почту.

– Уж точно я бы желала знать, что сейчас в Городе считается лучшими энкомиями, – сказала Махит.

Три Саргасс фыркнула от смеха.

– *Прекрасно*. С таким настроем вы будто *урожденная* тейкскалаанка.

Махит это не показалось комплиментом.

– И что тут сказано? – спросила она.

Три Саргасс прищурилась – зрочки рывками бегали налево-вверх, передавая микромышечные указания облачной привязке, – и пристально всмотрелась в голограмму.

– Формальное приглашение на поэтический конкурс в салоне императора в рамках дипломатического банкета, через три дня. Полагаю, желаете посетить?

– Зачем мне отказываться?

– Ну, если хочется ополчить против себя всех знакомых вашего предшественника и показать, что станция Лсел враждебно настроена к имперским интересам, то не прийти на ужин – отличное начало.

Махит придвинулась поближе – так близко, что почувствовала на лице теплый пульс дыхания Три Саргасс, – и улыбнулась во все зубы, как можно более варварски. Махит следила, как асекрета старается не отшатнуться; засекала момент, когда та переборола себя, когда здравый смысл возобладал над инстинктами.

– Три Саргасс, – сказала тогда Махит, – а давайте пред-

ставим, что я не дура.

– Можно, – сказала Три Саргасс. – У вашего народа принято вторгаться в личное пространство в знак упрека?

– Если приходится, – ответила Махит. – А я в ответ представляю, что вы не участвуете в очевидной попытке дипломатического саботажа.

– Кажется, справедливо.

– Итак, я принимаю любезное приглашение его императорского величества. Отправьте послание, я подпишу. А потом придется пройти по остальному запасу инфаркт.

* * *

Почта заняла весь день и добрую часть вечера. В основном это была обычная корреспонденция второстепенного, но все же политически значимого посольства: справочные запросы из канцелярии императора и университетов касательно традиций, экономики и туристических возможностей на Лселе, протокольные извещения. Запросы о репатриации от станционников, проживавших в тейкскалаанском космосе и желающих вернуться – их Махит подписала, – и небольшая партия запросов на въезд, которые она одобрила и переслала в имперское ведомство, занимавшееся «въездными визами для варваров». Неожиданно большое число не до конца одобренных виз на пролет через космос станционников для военного транспорта тейкскалаанцев – все уже с лич-

ной печатью Искандра, но мало какие собственно *подписаны*. Такое недоделанное разрешение ничего не значило. Как если бы Искандра прервали во время официального одобрения для захода на территорию Лсела целого легиона. Махит ненадолго отвлеклась и задумалась над *количеством* запросов и причиной, почему их не проштамповали и не подписали одновременно, а затем отложила до более спокойного момента. Что бы там ни думал сам Искандр перед смертью, *она* не готова пропускать военный флот через сектор своей станции без хоть *каких-то* данных, для чего им идти в таком количестве.

Ни один запрос не касался корабля «Кровавая Жатва Возвышения». Должно быть, отправку *этого* судна одобрил кто-то другой. С другой стороны, Искандр уже погиб, когда требовалось принять этот запрос. Махит стало нехорошо. *Кто-то* этот корабль послал – и ей бы стоило узнать кто...

Но Три Саргасс уже передала следующий инфокарт-стик, где оказался чрезвычайно отвлекающий сумбур по поводу пошлин на ввоз и грузовых манифестов, причем тогда, когда его присылали – Искандр был еще жив, – на ответ ушло бы всего полчаса. Теперь же решение потребовало в три раза дольше, учитывая, что за прошедшее время одна из сторон – станционник – уже покинула планету, а другая получила гражданство через брак и сменила фамилию. Махит попросила Три Саргасс отыскать новоиспеченного тейкскалаанца под его новым именем и отправить официальный вызов

в юридический отдел ведомства по лицензированию межзвездной торговой деятельности.

– Просто проследи, чтобы он – как бы его там ни звали – пришел и оплатил пошлину за груз, который приобрел у *гражданина моей станции*, – сказала Махит.

Как оказалось, он выбрал имя Тридцать Шесть Внедорожный Тундровый Транспорт – это открытие повергло и Махит, и Три Саргасс в ошарашенное молчание.

– Ребенка так никто не назовет, – наконец пожаловалась Три Саргасс. – Никакого вкуса. Даже если его родители или ясли были на планете с низкой температурой и тундрами, где нужен внедорожный транспорт.

Махит внезапно задумалась и нахмурила брови: вспомнилось – отчетливо, – как в начале языковой подготовки на Лселе весь их класс попросили придумать себе тейкскалаанские имена на время обучения. Она выбрала «Девять Орхидея» в честь героини ее на тот момент любимого романа – о приключениях яслирода будущей императрицы Двенадцать Солнечная Вспышка, которую звали *Пять Орхидея*. Это очень по-тейкскалаански – выбрать имя по любимой книге. Имена однокурсников в то время ей казались *гораздо* менее удачными, так что она раздувалась от гордости. Теперь же, в центре тейкскалаанского космоса, все это выглядело не просто какой-то апроприацией, но еще и абсурдом. И все же она спросила Три Саргасс:

– А как вы, тейкскалаанцы, выбираете имена?

– Числа – для удачи или качеств, которые желаешь своему ребенку, или из-за моды. «Три» – вечный любимчик, как и все однозначные числа; предположительно, Тройки основательны и изобретательны, как треугольник. Не падают, могут достичь вершин мысли и тому подобное. Когда человек выбирает «Тридцать Шесть», он просто корчит из себя разбогатевшего Горожанина – это глупо, но еще не так плохо. А плохо здесь «Внедорожный Тундровый Транспорт». Ну серьезно. О, кровь и *солнце*. Формально это допустимо – главное, взять неодушевленный предмет или архитектурный элемент, – но это так... *Хорошие* имена – это растения, цветы и природные явления. И слогов в них меньше.

До сих пор Махит еще не видела Три Саргасс такой эмоциональной, и становилось все труднее ее не полюбить. Она смешная. А Тридцать Шесть Внедорожный Тундровый Транспорт – еще смешней.

– Когда я учила язык, – тут же решила поделиться она, предложить что-то в обмен на этот культурный факт – раз уж они работают сообща, то надо работать сообща, – нам задали притвориться, что у нас имена в тейкскалаанском стиле, и один мой одноклассник – из тех, кто экзамены сдает идеально, но говорит с ужасным акцентом, – назвался «2е Астероид». Иррациональное число. Считал себя умнее всех.

Три Саргасс задумалась, а потом прыснула.

– И не поспоришь, – сказала она. – Это же *уморительно*.

– Правда?

– *Еще бы.* Ты будто всю свою личность превращаешь в самокритичную шутку. Я бы купила роман от 2е Астероида – наверняка это была бы сатира.

Махит рассмеялась.

– Тому, о ком мы говорим, для сатиры не хватает утонченности, – сказала она. – Просто ужасный одноклассник.

– Похоже на то, – согласилась Три Саргасс, – зато они иногда *случайно* утонченные, а это еще лучше, – и передала следующую инфокарту, приступив к расшифровке новой задачи для Махит.

Весь вечер – работа. Работа, которая Махит давалась, к которой ее готовили, пусть даже отдельные случаи были слишком запутанными, тейкскалаанскими и требовали шифровальных умений Три Саргасс. На закате асекрета заказала им обоим мисочки пельменей с перченым мясом, залитых полуферментированным крем-соусом с добавкой красного масла – заверив Махит в ничтожно малой вероятности, что у нее на что-нибудь будет аллергия.

– Это иксуи, – объяснила она. – Мы этим младенцев кормим!

– Если я умру, на почту будет некому отвечать *еще три месяца*, так что себе же сделаешь хуже, – сказала Махит, наколов пельмень на вилку с двумя зубцами, которая прилагалась к еде. Стоило укусить, как пельмень лопнул во рту, пикантный и теплый. Красное масло оказалось прекрасной специей – достаточно острой, чтобы послевкусие держалось

долго и заставляло задуматься о нейротоксическом эффекте, после чего растворялось в удовольствие. Внезапно она проголодалась. Не брала в рот ни крошки с самого прилета.

Было даже приятно видеть, что Три Саргасс набросилась на свою плошку иксуи с равным энтузиазмом. Махит помахала ей вилкой.

– Для младенцев это слишком вкусно, – сказала она.

Три Саргасс распахнула глаза в тейкскалаанской версии ухмылки.

– Еда для работы. Должна быть слишком вкусной, чтобы долго смаковать.

– И чтобы быстрее вернуться к работе?

– Вы правильно поняли.

Махит склонила голову набок.

– А ты из тех, кто работает все время, да?

– Так от нас требуют, госпожа посол.

– Пожалуйста, зови меня Махит. И уверена, есть культурные посредники, от которых куда меньше пользы.

Три Саргасс сидела практически с *довольным* видом.

– О, множество. Но «культурный посредник» – это только мое назначение. А моя работа – асекрета.

Разведка, протокол, тайны – и риторика. Если только не врала вся прочитанная литература о Городе.

– И что это за работа?

– Политика, – ответила Три Саргасс.

Достаточно тесно связано с литературой.

– Может, тогда расскажешь об этих визах для военного транспорта? – уже начала было Махит, как входная дверь издала мелодию, от которой Махит поморщилась, но Три Саргасс она вроде бы не показалась лишенной благозвучия.

Асекрета подошла к двери и ввела код на панели рядом. Махит следила за ее пальцами и старалась запомнить как можно больше. Должна же она знать код от двери в собственное жилье. (Если только она не пленница больше, чем кажется. *Насколько* у Города строгое определение для настоящих людей, которые могут по нему передвигаться? Жаль, Искандра не спросить.) Панель, приняв код, спроецировала лицо ожидающего снаружи, его имя и череду титулов, повисших над головой в виде угловатых золотых глифов. Молодой, широколицый, бронзовокожий, с густой черной челкой над низким лбом – все то, что, кажется, предпочитала живопись империи. Махит вспомнила, что видела его в просмотровой морга. Двенадцать Азалия, непримечательный третий чиновник – от одного взгляда на него у Махит сложилось впечатление, будто она встретила безупречно соблюденный стандарт мужской красоты из какой-то другой культуры. Ее немного удивило собственное отсутствие реакции. Он скорее казался произведением искусства. «Двенадцать Азалия, патриций первого класса», – представила тогда Три Саргасс, а значит, она знала его как минимум по имени, а возможно, и по репутации.

– Не представляю, что могло понадобиться *ему*, – сказала

Три Саргасс, и это действительно намекало на некую репутацию.

– Впусти, – сказала Махит.

Три Саргасс твердо прижала большой палец к панели (а что, если дверь запирается *отпечатком*? Но не станут же тейкскалаанцы пользоваться такой примитивной технологией), и дверь пропустила Двенадцать Азалию в виде бури из рыжих рукавов и кремовых лацканов. Махит уж приготовилась к полноценному протоколу приветствия без подсказок Искандра (вообще-то ей не полагалось о таком *волноваться*), но не успела представиться, как Двенадцать Азалия перебил:

– Я сам пришел к вам в номер, уже можете не беспокоиться, – прошел мимо Три Саргасс, приязненно чмокнув в висок и оставив с видом немалого раздражения, а потом уселся на диван.

– Посол Дзмаре, – сказал он, – приветствую в Жемчужине Мира. Мое почтение.

Три Саргасс устроилась рядом с ним – с расширенными глазами и заметно поднятыми уголками рта.

– Мы же вроде отложили формальности, Лепесток, – сказала она.

– Отказ от формальностей не лишил меня вежливости, Травинка, – ответил Двенадцать Азалия, а потом обратился широкою и нетейкскалаанскую улыбку к Махит. С таким выражением он показался слегка спятившим. – Надеюсь, она

вам не грубила, госпожа посол.

– Лепесток, право, – сказала Три Саргасс.

У них есть прозвища друг для друга. Это было... мило, и в то же время смешило и смущало.

– Вовсе не грубила, – сказала Махит, заслужив театральный благодарный взгляд от Три Саргасс. – Добро пожаловать на дипломатическую территорию станции Лсел. Чем я могу вам помочь, кроме как позволить освежить дружбу с моей посредницей?

Двенадцать Азалия изобразил озабоченность, тонко завуалировав, как заподозрила Махит, более неприличный – и более искренний – возбужденный интерес. Ее в высшей мере стесняло, что все тейкскалаанцы до единого верят, будто она не проницательней воздушного шлюза – распознает только поверхностные образы: униформу и озабоченные выражения. Сколько еще ждать, прежде чем ее начнут принимать всерьез?

– Я принес довольно тревожные известия, – сказал Двенадцать Азалия, – о теле вашего предшественника.

Ну. Вот и началось *всерьез*. (И, похоже, она была права, когда сразу же решила, что Искандр не мог умереть по случайности; не в его это *духе*. Как и не в духе Города такая откровенность).

– С телом какие-то затруднения?

– Возможно, – ответил Двенадцать Азалия с таким жестом, словно намекал, что затруднения-то есть, осталось

определить их суть.

– Стал бы ты вмешиваться в мою работу из-за одной только *возможности*, Лепесток, – сказала Три Саргасс.

– Я бы сказала, что тело предшественника – это только *мое* дело, – заметила Махит.

– Мы это уже обсуждали, Махит, – быстро ответила Три Саргасс. – С точки зрения закона, я – эквивалент...

– Но не с точки зрения морали или этики, – сказала Махит, – особенно когда речь о гражданине Лсела, кем мой предшественник, очевидно, и являлся. Так в чем же эти затруднения?

– Когда икспланатль Четыре Рычаг ушел из анатомического театра, я ненадолго задержался рядом с телом и позволил себе воспользоваться оборудованием для визуализации, – сказал Двенадцать Азалия. – Из-за своего нынешнего назначения в министерстве информации – а я работаю с негражданами по вопросам медицины и обслуживания во время их посещения – я немало интересуюсь физиологией неграждан, ведь некоторые очень отличаются от людей! Не то чтобы я намекал, будто на станции Лсел живут нелюди, госпожа посол, ни в коем случае. Но интерес у меня ненасытный – можете спросить хоть Тростинку, она знает меня со времен кадетской школы асекрет.

– Ненасытный интерес, который частенько приводит к избытию неприятностей, особенно если мы говорим о любопытных случаях криминологии или занимательных меди-

цинских практиках, – сказала Три Саргасс. Махит заметила на ее подбородке морщины от напряжения, заострившийся угол губ. – Переходи к делу. Тебя прислала проверить меня Два Палисандр?

– Стал бы я бегать на посылках, Травинка, даже ради министра информации. А *дело* в том, что я задержался и осмотрел труп предшественника госпожи посла. И этот труп не совсем органический.

– Что? – спросила Три Саргасс одновременно с тем, как Махит с трудом сдержалась от станционного ругательства.

– В каком смысле? – спросила она. Вдруг Искандру заменили больной тазобедренный сустав. Это невинно и объяснимо – и куда заметнее, чем имплантат в основании черепа, который сперва передал ему *собственный* имаго, а затем снял оттиск знаний, личности и памяти – имаго-оттиск для следующего в очереди.

– В его мозге есть металл, – сказал Двенадцать Азалия, лишив ее даже этой краткой надежды.

– Шрапнель? – поинтересовалась Три Саргасс.

– Ранений нет. Уж поверь, такие *ранения* патологоанатом не пропустит. Полное сканирование дает куда больше информации. Не могу и вообразить, почему его не провели ранее – возможно, всем слишком очевидно, что посол умер от анафилаксии...

– Мне больше интересен незамедлительный вывод, будто речь может идти о шрапнели, – быстро перебила Махит, пы-

таясь увести разговор от самых опасных тем. Не помешало бы знать, что именно Искандр раскрывал о процедуре имаго – если вообще раскрывал, – но она не могла спросить даже нынешнюю версию, а откуда этой версии знать, что его... продолжение? Пусть «продолжение», сойдет, – что его продолжение сделало за прошедшее время?

– Порой Город проявляет враждебность, – сказала Три Саргасс.

– Бывает, – добавил Двенадцать Азалия. – В последнее время чаще. Человек делает что-то не то в облачной привязке, Город реагирует слишком бурно...

– Тебе не придется об этом беспокоиться, – успокоила Три Саргасс с беспечной уверенностью, которой Махит не поверила ни на йоту.

– У моего предшественника была облачная привязка? – спросила она.

– Понятия не имею, – сказала Три Саргасс. – Ему бы пришлось получить разрешение от его величества Шесть Пути лично. У неграждан их нет: связь с Городом – это *право*; оно дается тейкскалаанцам.

Оно дается тейкскалаанцам, чтобы *открывать двери* – а также, видимо, угодить в некую группу повышенного риска. Махит задумалась, насколько облачные привязки отслеживают передвижения граждан и кто имеет доступ к этой информации.

– Была у прошлого посла облачная привязка или нет, я

не знаю, но знаю одно, – перебил Двенадцать Азалия, – что у него было, так это большое количество таинственного металла в спинном мозге, и мне показалось, что, быть может, вам, госпожа посол, об этом захочется знать раньше, чем кто-нибудь попытается внедрить то же самое вам.

– Как всегда оптимист, Лепесток.

– Кому об этом еще известно? – спросила Махит.

– Я никому не говорил. – Двенадцать Азалия мирно сложил руки в длинных рукавах. Махит расслышала в его фразе «пока что» и спросила себя, чего он от нее хочет.

– Почему же рассказываете *мне*? У посла могли быть самые разные имплантаты – например, эпилептический кардиостимулятор, это довольно распространено, если с возрастом развивается эпилепсия, – сказала она, применяя стандартную ложь для не-лселцев об имаго-аппарате. – Полагаю, они есть у такой великой цивилизации, как Тейкскалаан. Можно без лишних хлопот посмотреть медицинскую карту посла и узнать.

– Вы бы поверили, если бы я ответил, что мне интересно, как вы поступите? Ваш предшественник – мм... был большим политиком для посла. Мне любопытно, все ли выходцы со Лсела такие.

– Я не Искандр, – сказала Махит и почувствовала укол стыда – ей следовало быть *больше* Искандром. Будь у них время на интеграцию... не исчезни он у нее в голове... – «Политики» бывают разные. Как, по-вашему, икспанатль

об этом знает?

Двенадцать Азалия улыбнулся настолько, что продемонстрировал зубы.

– Вам он об этом не сказал. Или мне. Но он икспланатль из медицинского колледжа министерства науки – кто скажет, что он считает важным?

– Я хочу, – встала Махит, – увидеть сама.

Двенадцать Азалия взглянул на нее с радостью.

– Ах. Так, значит, и ты *политик*.

Глава 3

*Внутри каждой клетки – бутон химического
пламени,*

*[ИМЯ ПОКОЙНОГО] препоручается [земле/солнцу]
и зацветет тысячью цветов – по числу вдохов за
жизнь,*

*и мы вспомним его/ее имя,
его имя и имя его предка (ов),
и в честь тех имен все собравшиеся
позволяют крови расцвести на своей ладони, и так
же обратят*

химическое пламя к [земле/солнцу] ...

*Стандартная тейкскалаанская траурная речь
(отрывок), написанная по образцу панегирика
эзуазуакату Два Амаранту, самое раннее появление
– второй индикт императрицы всего Тейкскалаана
Двенадцать Солнечной Вспышки.*

*** * ***

[помехи]... повторяю, потерял контроль высоты...
кувыркаюсь... неизвестное энергетическое оружие,
пожар в кабине [неразборчиво] [неразборчиво]
[ругательство] черные... черные корабли, быстрые,
это дыры в [ругательство] бездне... звезд нет... там

[неразборчиво] не могу... [ругательство] их еще больше [крик в течение 0,5 секунды, после чего следует рев – предположительно, взрывная декомпрессия, – в течение 1,9 секунды до потери сигнала]

Последняя трансляция лселского пилота Арага Чтела во время рекогносцировки на окраине сектора 242.3.11 (по тейкскалаанскому летоисчислению, правление Шесть Пути)

На сей раз Махит явилась к комплексу Юстиции пешком, пока Три Саргасс и Двенадцать Азалия шли рядом, то и дело меняя свое положение. Она чувствовала себя заложницей или возможной жертвой политического покушения – и то и другое было слишком похоже на правду, чтобы сохранять оптимизм. Кроме того, она собиралась проникнуть в морг. Или помочь человеку с законным доступом в морг провести туда людей без доступа. Короче говоря. Теперь она *политик*.

Она жалела, что не получила более четких указаний от совета станции, *как именно* участвовать в политике. Большая часть указаний – после «узнать, что случилось с Искандром Агавном», – была в духе «делать работу на совесть, отстаивать права наших граждан, не позволить тейкскалаанцам нас аннексировать, если такой вопрос возникнет». Осталось такое впечатление, будто почти половина Совета – особенно Акнель Амнардбат, советница по культурному наследию, склонная считать дипломатию и сохранение культуры своей вотчиной, – надеялась, что тейкскалаанская культура ей нравится достаточно, чтобы получать удовольствие от назна-

чения, и *не нравятся* настолько, чтобы не допускать дальнейшее взаимосмешение этой культуры с искусством и литературой станционников. Другая же половина Совета – под предводительством советника по шахтерам Тарацем и советницей по пилотам Ончу (их Махит считала практичной половиной правительства из шести человек – а надежды Акнель Амнардбат высоко бы не ставила) давила на следующее: «Не дать империи нас аннексировать, но проследить, чтобы мы оставались главным источником молибдена, вольфрама и осмия – не говоря уже о доступе и информации о Вратах Анхамемат». Так считать ли вариант «моего предшественника убили, а меня, кажется, втягивают в закулисное расследование ради защиты станционных технологий» частным случаем пункта «не дать империи нас аннексировать»? Вот Искаандр знал бы. Или хотя бы имел свое четкое мнение.

Район Города, где находилось правительство империи, огромный и старинный, был построен в виде шестиконечной звезды: секторы Восток, Запад, Север и Юг, а также Небо – вытянутый между Севером и Востоком, – и Земля – торчащий между Югом и Западом. Каждый сектор состоял из заостренных башен, набитых архивами и офисами, связанных многоэтажными мостами и арками. В воздухе между самыми населенными башнями висели дворы – с полами прозрачными или инкрустированными песчаником и золотом. В центре каждого располагался гидропонный сад, где в стоячей воде плавала фотосинтезирующая растительность. Неверо-

ятная роскошь, доступная только на планете. Цветы в гидропонных садах, похоже, подбирались по расцветке; чем ближе к министерству юстиции, тем краснее и краснее становились лепестки, пока середина каждого двора уже не смахивала на пруд из светящейся крови, и тут Махит увидела здание, ставшее ее первым пунктом назначения – практически немыслимое число часов назад, этим утром.

Двенадцать Азалия провел указательным пальцем по полированной пластинке из зеленого металла рядом с дверью, нарисовав фигуру, которую Махит приняла за его каллиграфическую роспись – уловила где-то в середине спрятанный глиф, обозначающий «цветок», а в его имени при написании должны быть глиф «двенадцать», глиф «цветок» и уточнение *вида* цветка. Дверь в министерство с шипением открылась. Когда Три Саргасс тоже подняла руку к пластине, Двенадцать Азалия перехватил ее запястье.

– Просто заходи, – сказал он тихо, поторопив обеих внутрь и позволив дверям плотно закрыться у них за спиной. – Можно подумать, ты никуда не пролезала тайком...

– У нас же есть законный доступ, – прошипела Три Саргасс. – А кроме того, нас записывали камеры Города...

– И наш хозяин не желает, чтобы мы ассоциировались с *его* приходом, – отметила Махит не громче, чем нужно, чтобы ее услышали.

– Именно, – сказал Двенадцать Азалия, – и если дойдет до того, что кто-то начнет шарить по аудиовизуалке Города в

поисках, кто заходил сегодня в министерство, значит, у нас и так уже *серьезные проблемы*, Травинка.

Махит вздохнула.

– Давайте быстрее; веди к моему предшественнику.

Губы Три Саргасс сжались в тонкую задумчивую линию, и она вернулась за левое плечо Махит, пока Двенадцать Азалия заводил их под землю.

Морг выглядел так же. Воздух прохладный, и пахнет неестественно чисто, словно его прогоняли через фильтры. Икспланатль – или Двенадцать Азалия после собственного *расследования* – накрыл тело Искандра тканью. Махит резко охватил ползучий страх: в последний раз, когда она здесь стояла, ее имаго выплеснул эмоции вместе с гормонами эндокринной системы и *исчез*. А она все равно сюда вернулась. Снова всплыла скверная мысль о *саботаже*: не может ли вредно воздействовать само помещение? (Или это ей так хочется, чтобы дело было в *помещении* и саботаж не оказался ее собственным провалом или работой кого-то на *Лселе*?)

Двенадцать Азалия снова стянул простыню, обнажая лицо мертвого Искандра Агавна. Махит подошла ближе. Пыталась видеть в трупe только материальную оболочку; физическую задачу из нынешнего времени, а не то, что когда-то хранило в себе личность – точно так же, как хранила она. Одну и ту же личность.

Двенадцать Азалия надел стерильные хирургические перчатки и аккуратно приподнял голову трупа, повернув так,

чтобы Махит видела затылок, и спрятав самое крупное место инъекции консерванта – в большой вене на горле. Труп, податливый и обмякший, двигался так, словно он свежее трехмесячной давности.

– Разглядеть трудно – шрам маленький, – сказал он, – но если надавить сверху на шейный отдел позвоночника, уверен, ты почувствуешь аберрацию.

Махит нажала большим пальцем в ложбинке черепа Искандра, прямо между связками. Кожа казалась резиновой. Слишком поддавалась, причем неправильно. Под подушечкой пальца предстал крошечной аномалией мелкий имаго-шрам; под ним скрывалась развернутая архитектура имаго-аппарата – твердость знакомая, как сами кости черепа. У нее то же самое. Во время учебы у нее была привычка поглаживать его большим пальцем. Не делала так с тех пор, как ей хирургическим путем установили имаго-аппарат с пятью годами опыта Искандра. Это не входило в его привычные жесты и вне станции могло выдать тайну, так что она позволила жесту раствориться в той новой совмещенной личности, какой они должны были стать.

– Да, – сказала она. – Чувствую.

– Ну вот, – улыбнулся Двенадцать Азалия. – Что это, потвоему?

Она могла бы рассказать. Будь вместо него Три Саргасс, она бы и рассказала – хотя знала, что такой позыв даже чувствовать опасно; ничем не лучше признаваться одному

тейкскалаанцу, а не другому, после всего лишь дня знакомства, – но она находилась в таком *отчаянном* одиночестве, без Искандра, и ей так *хотелось*.

– Точно не органической природы, – сказала она. – Но это у него уже давно, – уклончиво. Нужно покончить с этим безрассудным осмотром трупов, вернуться к себе, запереться и *покончить* с желанием... найти друзей. С гражданами Тейкскалаана не дружат. Особенно не дружат с асекретами, причем эти оба из министерства информации...

– Никогда не слышала, чтобы ему проводили операцию на позвоночнике, – сказала Три Саргасс. – За все время его пребывания на планете. Ни из-за эпилепсии, ни из-за чего-либо еще.

– Ты бы знала? – спросила Махит.

– При том, сколько времени он проводил при дворе? Твой предшественник все время был на виду. Если бы он исчез хоть на неделю, кто-нибудь сказал бы, что его величество по нему наверняка скучает...

– *Неужели*, – сказала Махит.

– Я же упоминал, что он политик, – сказал Двенадцать Азалия. – Так, по-твоему, выходит, что металл внедрили до того, как он стал послом.

– И что это *делает*? – сказала Три Саргасс. – Меня куда больше интригует предназначение, чем *время* установки, Лепесток.

– Госпоже послу известны такие технические подробно-

сти? – спросил Двенадцать Азалия – непринужденно. Дразняще, подумала Махит. Может, даже *оскорбительно*. Он ее провоцировал.

– Госпожа посол, – сказала она, показывая на себя, – не знаток медицины и не икспанатль и никак не может объяснить в подробностях неврологическое действие подобного устройства.

– Но оно неврологическое, – сказала Три Саргасс.

– Оно же в позвоночнике, – ответил Двенадцать Азалия так, словно это все объясняло. – И технология явно не тейкскалаанская; ни один икспанатль не стал бы изменять работу человеческого мозга таким образом.

– Обойдемся без оскорблений, – сказала Три Саргасс. – Если негражданам хочется набивать череп металлом, это их дело, если только они не планируют стать гражданами...

– Посол явно участвовал в делах *тейкскалаанцев*, Травинка, – кому, как не тебе, это знать, практически поэтому тебя и назначали посредницей нового, – так что это не *пустяк*, если ему установили какое-то неврологическое оборудование...

– Эти сведения, конечно, очень интересны, – резко начала Махит и тут же осеклась, когда и Три Саргасс, и Двенадцать Азалия вдруг выпрямились и вызвали на лицах формальную неподвижность. Позади Махит с тихим шипением открылась дверь. Она обернулась.

К ним шла тейкскалаанка, одетая во все белоснежное: штаны, многослойная блузка, длинный асимметричный кам-

зол. Лицо ее было темно-бронзовым, скулы – широкими, нос – словно нож над широким ртом с узкими губами. Сапоги из мягкой кожи ступали по полу беззвучно. Махит показалось, она еще не видела тейкскалаанки красивее – а значит, скорее всего, по местным меркам та считалась невзрачной или уродиной. Слишком стройная, слишком высокая, слишком выделяется нос, слишком трудно отвести взгляд.

«Она привлекает весь свет в помещении и изгибает вокруг себя».

Наблюдение как будто не принадлежало Махит. Всплыло в разуме, словно навык от имаго – словно знание тейкскалаанской жестикуляции или решение задачи с несколькими переменными, совершенно естественное и совершенно чужое для собственного опыта Махит. Она спросила себя, знал ли Искандр эту женщину, и снова *рассердилась*, что не может спросить. Что он удалился, когда нужен больше всего, оставив только эти обрывки мыслей, краткие впечатления.

Три Саргасс сделала шаг вперед, подняла руки в аккуратном формальном приветствии, едва соприкоснувшись кончиками пальцев, и низко поклонилась.

Новоприбывшая не потрудилась ответить.

– Как неожиданно, – сказала она. – А я-то думала, что единственная навещаю мертвецов в такой час, – смущенной она точно не казалась.

– Позвольте представить нового посла станции Лсел Махит Дзмаре, – сказала Три Саргасс с самой формальной кон-

струкцией фразы, словно все они стояли в приемном зале императора, а не в подвале министерства юстиции.

– Мои соболезнования по поводу кончины твоего предшественника, Махит, – совершенно искренне сказала женщина в белом.

Еще никто в Городе не называл Махит по имени без немалых уговоров. Она вдруг почувствовала себя раскрытой. У всех на виду.

– Ее превосходительство эзузуакат Девятнадцать Тесло, – продолжила Три Саргасс, а затем пробормотала: – Чей приход озаряет нас подобно блеску ножа, – единая партиципная фраза на тейкскалаанском из пятнадцати слогов, словно женщине в белом полагался собственный готовый поэтический эпитет. Возможно, так и было. Эзузуакааты считались верными наперсниками императора, его ближайшими советниками и сотрапезниками. Тысячелетия назад, когда тейкскалаанцы еще не покинули планету, эзузуакааты служили и его личной дружиной. Согласно доступным на Лселе историческим источникам, в последние века должность была куда менее жестокой.

Насчет «менее жестокой» Махит усомнилась, учитывая эпитет. Поклонилась.

– Благодарю за сочувствие, ваше превосходительство, – сказала она, согнувшись от талии и снова выпрямляясь, а потом встала навтыжку, вообразила себя человеком, который может *нависать* – возможно, нависать даже над безвкус-

но высокими тейкскалаанцами с опасными титулами, – и поинтересовалась: – Что же привело человека ваших полномочий, как вы выразились, навестить мертвецов?

– Он мне нравился, – сказала Девятнадцать Тесло, – и я слышала, ты собираешься его сжечь.

Она приблизилась. Махит обнаружила, что стоит с ней плечом к плечу, глядя на труп. Девятнадцать Тесло поправила голову Искандра, как та лежала раньше, и мягким и фамильярным жестом убрала волосы со лба. На большом пальце блеснула печатка.

– Вы пришли попрощаться, – сказала Махит, подпустив в голос искреннее сомнение. Эзуазуакату нет нужды красться, как обычному послу и ее шаловливым компаньонам-асекретам, – уж точно не для того, чтобы взглянуть на труп. У нее имелись какие-то свои резоны. Для нее что-то изменилось с прибытием Махит – или с ее ответом икспанатлю, что тело Искандра следует сжечь. Махит понимала, что из-за появления нового посла начнутся какие-то политические маневры – она же не *идиотка*, – но не подумала, что волны поднимутся до самого внутреннего круга императора. «Искандр, – подумала она, – чем же ты тут занимался?»

– Никогда не прощаюсь, – сказала Девятнадцать Тесло. Взглянула искоса на Махит, с кратким проблеском белой улыбки между губ. – Как это невежливо – воображать вечную разлуку с таким выдающимся человеком, не говоря уже о друге.

Не ищут ли ее руки, такие бережные на коже трупа, тот же самый аппарат, который заметил Двенадцать Азалия? Возможно, она намекнула, что ей известно о процедуре имаго; возможно, она даже воображала, будто разговаривает с Искандром в теле Махит. Эзузуакату не повезло – он ее не слышит; впрочем, не повезло и Махит.

– Вы явно выбрали для этого необычное время, – сказала Махит как можно более нейтрально.

– Не более необычное, чем ты. Да еще с такой любопытной компанией.

– Заверяю ваше превосходительство, – вклинился Двенадцать Азалия, – что...

– ... что я привела свою культурную посредницу и ее коллегу-асекрету в качестве свидетелей для леселского траурного ритуала, – сказала Махит.

– В самом деле? – сказала Девятнадцать Тесло. В глазах Три Саргасс за ее спиной отчетливо – несмотря на фундаментальные культурные различия в привычных выражениях лиц – читалось обескураженное восхищение дерзостью.

– В самом деле, – ответила Махит.

– И в чем же он заключается? – поинтересовалась Девятнадцать Тесло самым формальным и утонченно вежливым тоном, что Махит когда-либо слышала.

Возможно, когда Махит удостоится собственного поэтического эпитета в пятнадцать слогов, в него войдет «удачное развитие своих паршивых идей».

– Это бдение, – сочиняла она на ходу. – Преемник приходит к телу предшественника на один полуоборот станции – девять часов по вашему счислению, – чтобы предать своей памяти черты того, кем она станет, прежде чем эти черты обратятся в пепел. Для бдения требуются два свидетеля, вот почему я привела Три Саргасс и Двенадцать Азалию. После бдения преемник поедает те сожженные останки, которые желает сохранить, – в плане выдуманных ритуалов этот был не так уж плох. Махит была бы не против и провести такую церемонию в рамках интеграции со своим имаго. Если она еще когда-нибудь вернется на Лсел, то, может, даже его предложит. Впрочем, в *ее* случае разницы нет.

– А голограмма не сойдет? – справилась Девятнадцать Тесло. – Не хочу принижать габитус вашей культуры. Это лишь академический интерес.

Уж в этом Махит не сомневалась.

– Физический аспект наличия самого трупа добавляет опыту жизнеподобия, – сказала она.

Двенадцать Азалия издал тихий удушенный звук.

– Жизнеподобия, – повторил он.

Махит важно кивнула. Оказывается, она все-таки доверяет своим асекретам – или хотя бы верит, что они не выйдут из образа. Сердце бешено колотилось. Девятнадцать Тесло с нескрываемым удовольствием перевела взгляд с нее на Три Саргасс, которая казалась совершенно собранной, если не считать широко распахнутых глаз. Махит уже не сомнева-

лась, что вся ее выдумка сейчас рухнет ей же на голову. Что ж, она хотя бы уже внутри Юстиции; если эзузуакат решит ее арестовать, далеко идти не придется.

– Искандр никогда не упоминал о подобном, – сказала Девятнадцать Тесло, – но он вечно недоговаривал о смерти на Лселе.

– Обычно это куда более личная тема, – сказала Махит, солгав только отчасти. Смерть была личной темой, пока не становилась началом самого интимного контакта, что только может быть между двумя людьми.

Девятнадцать Тесло натянула простыню на грудь трупа, раз пригладила и отступила.

– Ты так на него не похожа, – сказала она. – Разве что чувством юмора, но не более. Удивлена.

– Правда?

– Весьма.

– Тейкскалаанцы тоже не все одинаковы.

Девятнадцать Тесло рассмеялась – один резкий смешок.

– Нет, но у нас есть *типы*. Например, твои асекреты. Она – точный образец оратора-дипломата Одиннадцать Станка, только женщина и слишком худошавая в груди. Сама спроси – у нее от зубов отскакивает все его творчество, даже из тех времен, когда он необдуманно спутался с варварами.

Три Саргасс сделала жест одной рукой – одновременно и горестный, и польщенный.

– Я и не думала, что ваше превосходительство обращает

на меня внимание, – сказала она.

– И никогда так не думай, Три Саргасс, – сказала Девятнадцать Тесло. Махит не поняла, подразумевалась ли тут угроза. Возможно, она просто говорит так *всегда*.

– Было интересно с тобой встретиться, Махит, – продолжала она. – Уверена, не в последний раз.

– Уверена.

– Тебе пора вернуться к бдению, верно? Искренне желаю радостного воссоединения с предшественником.

Махит была близка к истерическому смеху.

– И я себе этого желаю, – ответила она. – Вы оказали большую честь Искандру своим присутствием.

На эти слова у Девятнадцать Тесло была какая-то сложная внутренняя реакция. Махит еще недостаточно ознакомилась с выражениями тейкскалаанских лиц, чтобы расшифровать ее.

– Спокойной ночи, Махит, – сказала она. – Асекреты, – развернулась на каблуке и вышла так же неторопливо, как пришла.

Стоило двери за ней закрыться, как Три Саргасс спросила:

– Что из всего этого правда, госпожа посол?

– Кое-что, – иронично ответила Махит. – Концовка, когда она пожелала мне радостного воссоединения, а я согласилась. Это – точно правда. – Она помолчала, мысленно поскрипела зубами и продолжила: – Я благодарна вам за поддержку. Обоим.

– Просто никак не ожидала видеть эзуазуаката в морге, – сказала Три Саргасс. – Особенно *ее*.

– А лично *мне* хотелось посмотреть, как ты справишься, – добавил Двенадцать Азалия. – Если бы я перебил, то все бы испортил.

– Я бы могла сказать правду, – ответила Махит. – Вот она я – новенькая в Городе, сбита с пути моей собственной культурной посредницей и придворным авантюристом.

Двенадцать Азалия сложил руки на груди.

– И *мы* могли бы сказать ей правду, – заметил он. – У ее друга, покойного посла, есть таинственные и наверняка незаконные неврологические имплантаты.

– Как для нас удачно, что все врут, – весело заметила Три Саргасс.

– Культурный обмен через взаимовыгодный обман, – сказала Махит. Пожала одним плечом.

– Ему недолго быть взаимовыгодным, – сказал Двенадцать Азалия, – если мы трое не договоримся продолжать в том же духе. Мне все еще интересно, для чего нужен имплантат, госпожа посол.

– А мне интересно, с чего это мой предшественник дружил с ее превосходительством эзуазуакатом, а заодно и *самим императором*.

Три Саргасс уперлась обеими руками в стол, по бокам от головы Искандра. Кольца звякнули по металлу.

– Мы можем обмениваться не только ложью, но и правдой, –

сказала она. – Давайте по одной с каждого, для уговора.

– Вот это *точно* из Одиннадцать Станка, – сказал Двенадцать Азалия. – Договор о правде между ним и его верным отрядом инопланетян из пятого тома «Депеш с нуминозного фронта».

Три Саргасс не сконфузилась, хотя Махит и показалось, что повод у нее есть. Аллюзии и отсылки находились во главе угла высокой тейкскалаанской культуры – но можно ли ими оперировать настолько очевидно, чтобы старый друг *точно* определил источник цитаты? Сама-то она не читала «Депеши с нуминозного фронта». Этот текст не доходил до станции Лсел. Похоже, он не из тех, что могли пропустить тейкскалаанские цензоры, – они редко пропускали религиозные тексты или те, которые можно истолковать как руководство по госуправлению либо неотредактированные рассказы о дипломатии или военном деле Тейкскалаана.

– Девятнадцать Тесло *не ошиблась* насчет меня, – ответила Три Саргасс довольно безмятежно. – Одиннадцать Станку это помогло. Поможет и нам.

– По одной правде с каждого, – сказала Махит. – И мы сохраним чужие секреты.

– Ладно, – сказал Двенадцать Азалия. Провел рукой против прилизанных волос, взъерошил. – Ты первая, Травинка.

– Почему это я первая, – возразила Три Саргасс, – если это ты нас сюда втравил.

– Тогда *она* первая.

Махит покачала головой.

– Я даже не знаю правил договора о правде, – сказала она, – я не гражданка и не имела удовольствия читать Одиннадцатый Станка. Так что вам придется показать пример.

– А ты-то и рада, – сказала Три Саргасс, – когда можно *сыграть* на своей нецивилизованности.

Махит и правда была рада. Это единственный приятный момент во времена, когда ты одна и тебя то очаровывают, то пугают окружающие тейкскалаанцы, которые до сего дня были одновременно и куда менее тревожными, и куда более доступными по той простой причине, что существовали главным образом в *литературе*. Она пожала плечами в ответ.

– Может ли не повергать в трепет огромная пропасть, отделяющая меня от граждан Тейкскалаана?

– Вот-вот, – сказала Три Саргасс. – *Ладно*, я первая. Лепесток, спрашивай.

Двенадцать Азалия чуть склонил голову к плечу, как бы в раздумьях. Махит почти не сомневалась, что вопрос он уже придумал, а тянул только ради театральности. Наконец он спросил:

– Почему ты попросилась в культурные посредницы посла Дзмаре?

– Ой, нечестно! – сказала Три Саргасс. – Остроумно и нечестно! Ты стал в этой игре лучше, чем раньше.

– А я и старше, чем раньше, и на меня уже не действуют твои чары. Теперь давай. Выкладывай правду.

Три Саргасс вздохнула.

– Тщеславные личные амбиции, – начала она, отсчитывая причины на пальцах, начиная с большого, – искренний интерес к *необычайному* взлету бывшего посла в глазах его величества – у тебя, Махит, очень славная станция, но и довольно маленькая, нет никаких *вменяемых* причин, чтобы рука императора легла на плечи твоего предшественника, пусть и такие красивые, – и, хм-м... – Она помолчала. Пауза была драматической, но Махит подозревала, что при этом и неподдельной. Вся сконфуженность, которая ранее в Три Саргасс отсутствовала, теперь проявилась в положении подбородка, в том, как она прятала глаза ото всех, даже от трупа. – И – мне нравятся пришельцы.

– *Нравятся инопланетяне*, – в восторге воскликнул Двенадцать Азалия одновременно с тем, как Махит сказала:

– Я не инопланетянка.

– Почти, – сказала Три Саргасс, совершенно пропустив мимо ушей Двенадцать Азалию. – Причем достаточно человеческая, чтобы с тобой можно было поговорить, а так даже лучше. Вот теперь – совершенно точно не моя очередь.

Очевидно, Три Саргасс не тянуло признаваться в подобном перед другим сотрудником министерства информации, и Махит почти понимала почему: ей *нравятся* – то есть она отдает предпочтение – нецивилизованные лица. Это как практически самой признаться в нецивилизованности. (Не говоря уже о *суггестивности*. Выбранный глагол был пугаю-

ще растяжимым. Об этом Махит задумается позже.) Она решила проявить милосердие, поддержать игру и оставить Три Саргасс в покое.

– Двенадцать Азалия, – сказала она. – Каким было политическое положение моего предшественника сразу перед смертью?

– Это не правда, а университетский реферат, – ответил Двенадцать Азалия. – Сведи вопрос к тому, что я *знаю*.

Махит пощелкала языком.

– Значит, к тому, что ты *знаешь*.

– *Только* он, – подсказала Три Саргасс. – Для паритета.

– Что ты по *правде*, – начала Махит, осторожно подбирая каждое слово, – выгадаешь от знания об имплантатах в спинном мозге или где-либо еще у посла станции Лсел?

– Его кто-то убил, и мне хочется знать за что, – ответил Двенадцать Азалия. – О, только не стройте такой изумленный вид, госпожа посол! Как будто ты не подумала о том же самом, что бы тебе утром ни наплели Травинка и иксплантль. Уж я-то знаю. У тебя же на лбу написано – вы, варвары, не умеете скрывать. Кто-то убил посла – и никто не признается. Даже в Информации молчат, и у меня действительно есть медицинское образование – сам когда-то *чуть* не стал икспланатлем, – вот я и решил, что я лучший кандидат для расследования, *почему* двор замял этот инцидент. Особенно если замяла Наука, а не Юстиция; Десять Перл в Науке уже *годами* враждует с Два Палисандр...

– Это министр науки и наш министр информации, – про-
бормотала Три Саргасс, сильно напоминая имаго в своем
усердии заполнить пробелы в познаниях.

Двенадцать Азалия кивнул, отмахнулся, попросив тиши-
ны, продолжил:

– Я сам себя назначил на расследование, чтобы убедиться,
что Десять Перл не подкапывается под Информацию, и спу-
стился сюда для личного осмотра, потому что икспланатль
Четыре Рычаг вел себя *раздражающе* открыто, а я по-преж-
нему не знаю, почему посол умер. Имплантат я нашел слу-
чайно. Теперь-то, заманив сюда тебя, я думаю, что одно свя-
зано с другим, но начинал я далеко не с этого. – Он встрях-
нул рукава, оперся руками на стол. – А теперь моя очередь
спрашивать.

Махит подобралась. Она была более чем готова открыть
правду – даже *склонялась* к тому, чтобы сознаться, прямо
сейчас, после облегчения от признания Двенадцать Азалии,
что Искандра убили, и тем более после прилюдного конфу-
за Три Саргасс из-за столь *нетейкскалаанского*, а очень да-
же человеческого поведения – ну вот, Махит начала перени-
мать тейкскалаанские привычки и делить всех на цивилизо-
ванных и нецивилизованных, только наоборот. Она такой же
человек, как и они. Они такие же люди, как и она.

Значит, она раскроет им какую-то долю правды. Когда
Двенадцать Азалия неизбежно задаст вопрос. А с послед-
ствиями разберется потом. Всё лучше, чем огульно не дове-

рять никому только из-за того, что они – тейкскалаанцы. Что за абсурдная мысль для человека, который все свое детство мечтал *быть* гражданином империи – пусть даже только из-за одной поэзии...

– Для чего нужен имплантат, госпожа посол?

«Эй, Искандр, – подумала Махит, обратившись к тишине, где должен быть ее имаго, – наблюдай. Я умею крамольничать не хуже некоторых».

– Он делает запись, – начала она. – Копию. Память и паттерны мышления человека. Мы называем это *имаго*-аппаратом, потому что он создает *имаго* – версию личности, которая переживет тело. Сейчас его аппарат наверняка бесполезен. Посол мертв, и аппарат три месяца записывал разложение мозга.

– А если бы не был бесполезным, – аккуратно спросила Три Саргасс, – что бы ты с ним сделала?

– Я – ничего. Я не нейрохирург. Или какой-нибудь икспанатль. Но если бы я ими была, то поместила бы имаго в человека – и все, что Искандр узнал за последние пятнадцать лет, никогда не будет утрачено.

– Это непристойно, – сказал Двенадцать Азалия. – Мертвец захватывает живое тело. *Неудивительно*, что вы едите трупы...

– Уж постарайся не оскорблять, – огрызнулась Махит. – Это не замена. А совмещение. Нас на станции Лсел не так уж много. У нас свои методы сохранять знания.

Три Саргасс обошла стол и теперь положила два пальца на тыльную сторону запястья Махит. Прикосновение показалось шокирующе агрессивным.

– А у тебя он есть? – спросила она.

– Мы закончили с договором, Три Саргасс, – сказала Махит. – Угадай. Послали бы меня в Жемчужину Мира без него?

– Я могла бы придумать убедительные аргументы для каждого варианта.

– Для *этого-то* вы и нужны, да? Вы оба. – Махит знала, что ей пора бы замолчать – в тейкскалаанской культуре эмоциональные выплески считались неприличными и говорили о незрелости, – но все не замолкала. Тем более что молчали все дружественные и успокаивающие голоса, которые должны быть на ее стороне. – Вы, асекреты. Убедительные аргументы, риторика, договоры о правде.

– Да, – сказала Три Саргасс. – Для этого мы и нужны. И извлечение информации, и спасение подопечных из неловких или инкриминирующих ситуаций. В какой мы сейчас и оказались. Мы закончили, Лепесток? Получил, что хотел?

– Отчасти, – сказал Двенадцать Азалия.

– С тебя хватит. Вернемся домой, Махит.

Она вела себя *мягко*, и это... В этом не было ничего хорошего. Махит отдернула запястье, отпрянула.

– Не хочешь извлечь еще информацию?

– Да, хочу, – ответила Три Саргасс так, будто они говори-

ли о чем-то маловажном. – Но еще у меня есть профессиональная добросовестность.

– Что верно, то верно, – добавил Двенадцать Азалия. – Иногда это раздражает. «Нравятся» ей инопланетяне или нет, но в глубине души Травинка настоящий консерватор.

– *Спокойной ночи*, Лепесток, – резко сказала Три Саргасс, и Махит не гордилась тем, как обрадовалась, что не ее одну вывели из себя.

* * *

Когда Три Саргасс водворила Махит обратно в их комнаты, ящик для сообщений снова доверху заполнился инфокартами. Махит взглянула на них с глухим и смиренным отчаянием.

– Всё утром, – сказала она. – Я ложусь спать.

– Только эту, – сказала Три Саргасс. Взяла стик из кости, с золотой печатью. Кость наверняка была настоящая, от какого-нибудь убитого крупного животного. Чуть ранее Махит могла бы возмутиться, или заинтересоваться, или все сразу. Теперь же просто отмахнулась: «Если так хочешь». Три Саргасс разломила стик, и тот пролил ей на ладони голограмму бледно-золотого цвета, отражавшуюся от кремовых, красных и рыжих оттенков ее костюма.

– Ее превосходительство эзуазуакат желает встретиться с тобой при ближайшей возможности.

Ну, разумеется. (И, разумеется, ее инфокарт-стики сделаны из живого существа.) Она подозрительна, умна и знала Искандра, и ей помешали в морге с тем, ради чего она пришла, вот она и хочет зайти с другой стороны.

– У меня есть выбор? – спросила Махит. – Нет, не отвечай. Передай ей – «да».

* * *

Постель Искандра не пахла ничем – или тейкскалаанским мылом, пустым запахом лишь с намеком на минеральную воду. Кровать была широкая и завалена одеялами. Свернувшись в ней, Махит почувствовала себя точкой сжатия в центре вселенной, рекурсивно погружаясь сама в себя. Она сама не знала, на каком языке думает. Звездное поле над головой поблескивало в ночи – и *правда* безвкусица, – и ей *не хватало* Искандра, и хотелось разозлиться на того, кто поймет, насколько она разозлилась, а Жемчужина Мира за окном издавала тихий оседающий шум, как и любой другой город...

Сон подхватил, как гравитационный колодец, и она поддалась.

Глава 4

Кухня в Городе разнообразна, как и на любой планете: в Городе, несмотря на урбанизацию, почти 65 процентов суши, так же много климатических поясов, как и на других планетах, так что здесь найдется превосходная еда для холодной погоды (автор нижайше рекомендует обернутые вокруг зимних овощей тонкие ломтики оковалка малого лося в «Затерянном саду» на плазе Север-Четыре – если вас не пугает дальняя дорога!). Тем не менее классическая кухня Города – это яства дворцового комплекса: субтропические, сосредоточенные на широком разнообразии цветов и водных растений, характерных для прославленной архитектуры дворца. Начните день с жареных бутонов лилий, в чьих лепестках прячется свежий козий сыр, – они найдутся почти у каждого уличного торговца, и лучше брать погорячее, – а затем приступайте к кулинарному туру по множеству известных на весь космос ресторанов плазы Центр-Девять...

Из «Услады гурмана в Городе: путеводитель туриста в поисках изысканных переживаний», Двадцать Четыре Роза, распространение в основном в системах Западной Дуги.

[...] в следующий пятилетний период ожидаем способности выдать вплоть до пятисот разрешений на деторождение без последующего перемещения ввиду высокой эффективности урожая последней модификации риса при нулевой гравитации. В первую очередь иметь детей разрешается лицам, которые больше десяти лет находятся в списке зарегистрированных генетических родословных; затем – на усмотрение советника по шахтерам ради появления детей, которые с высокой вероятностью получают высокие оценки по способностям для имаго-линий по горной добыче и инженерии...

Доклад советника по гидропонике на тему «Стратегические резервы жизнеобеспечения и ожидаемый прирост населения», выдержка.

Искандр утром не вернулся.

Махит проснулась с такой же пустой головой, с которой засыпала. Она чувствовала внутри себя гулкую пещеру, ощущала стеклянную хрупкость, словно при похмелье в начальной стадии. Подняла перед собой руки. Не тряслись. Касалась кончиками пальцев кончика большого в разном ритме: так же просто, как всегда. Если она и пострадала от неврологической травмы – если ее имаго-аппарат полетел необратимо и выжег нейронные связи, которые должны были навеч-

но высечь в ее разуме Искандра, сделать одного человека из двоих, – в подобной элементарной зарядке это не проявлялось. Наверняка она сможет пройти и по прямой линии. Но какой смысл?

На Лселе уже было бы *поздно* волноваться и бежать к психотерапевту по интеграции. *Каскадный* сбой в морге, отключения, эмоциональные всплески и потом *молчание* – настолько неудачно интеграция имаго на ее памяти не проходила ни разу. На Лселе ей бы пришлось лечь в лазарет на медицинскую палубу. А она сейчас сидела на кровати Искандра посреди Тейкскалаана и *бесилась*, что его нет рядом. И если у нее и есть какой-то неврологический сбой, то не видно симптомов, которые бы заметил тейкскалаанский медицинский работник, даже если бы захотелось обращаться за помощью.

В спальне Искандра были узкие и высокие окна, три в ряд, и в них широкими лучами проливалось рассветное солнце. В лучах виднелись парящие точки, невесомо танцевали – возможно, у нее все-таки *есть* неврологические симптомы или какая-нибудь окулярная мигрень.

Она встала, прошла (по прямой линии, просто для проверки) и провела по ним рукой. «Пыль. Это пылинки». В Жемчужине Мира нет нужды в очистителях воздуха. А еще тут есть *небо* и растения. Прямо как на других планетах, где она бывала в кратких визитах. Что за глупые переживания. Просто все вокруг чужое, а ей настолько *одинок*о, что нача-

лись полеты параноической фантазии.

Три месяца – для *кого угодно* слишком короткий срок, чтобы интегрироваться как следует. Ей с Искандром положен год – чтобы врасти друг в друга, чтобы она впитала все, что он знает, а он растворился из голоса в разуме до инстинктивного второго мнения. Положены медитации, сеансы психотерапии и медосмотры, а здесь, куда она всегда стремилась попасть больше всего, ничего подобного нет.

«Искандр, – подумала она. – Твой предшественник втянул тебя, меня и всю станцию в такие неприятности, которых никто из нас не заслуживает, и ведь тебе бы это *понравилось*, ты был бы в восторге от этого бардака, так твою же мать, куда ты запропастился?»

Ничего.

Махит ударила ладонью по простенку между окнами – до боли.

– Ты в порядке? – спросила Три Саргасс.

Махит развернулась. К косяку прислонилась Три Саргасс, уже безукоризненно одетая, словно и не снимала костюм всю прошедшую ночь.

– Насколько на тейкскалаанском широко понятие «ты»? – спросила Махит, потирая ладонь. Наверняка останется синяк.

– С грамматической точки зрения или экзистенциальной? – спросила в ответ Три Саргасс. – Одевайтесь, госпожа посол, сегодня нас ждет *столько* встреч. Нашла я тебе

Пятнадцать Двигателя – бывшего посредника твоего предшественника – и уже договорилась о позднем завтраке в Центральном Городе. И ты *не поверишь*, что есть на него в досье у Информации. Если захочешь потрепать ему нервы, спроси о «щедрых взносах» в благотворительные организации, которые подозреваются в поддержке того неприятного восстания на Одилии.

– Ты вообще спишь? – сухо поинтересовалась Махит. – С грамматической или экзистенциальной точки зрения, как угодно.

– Иногда, в обоих случаях, – сказала Три Саргасс и пропала во внешней комнате так же плавно, как пришла, оставляя Махит вспоминать то небольшое, что она знает об Одилии: там прошел *какой-то* мелкий мятеж, но в версии тейкскалаанских новостей, доходивших до Лсела, это замалчивалось, как обычно и случалось. Одилия находилась на Западной Дуге – одна из *последних* систем, аннексированных Тейкскалааном в начале правления Шесть Пути, когда он в первую очередь был императором-завоевателем, капитаном корабля. Из-за чего начался бунт, Махит не знала. Но раз на Пятнадцать Двигателя можно надавить с помощью *политики*, у нее будет преимущество – если понадобится.

А Три Саргасс, значит, всерьез настроилась приносить пользу.

Махит оделась в самые нейтрально-серые оттенки станционников – штаны, блузку и короткий пиджак, которые счи-

тались бы в Городе неуместными только потому, что они не тейкскалаанские, то есть не «очень заметные, но без эпатажа», – и все это время гадала, доживет ли до того, чтобы ей пошили одежду в имперском стиле. Во второй комнате обнаружила, что Три Саргасс уже заказала плошки с какой-то желтой кашей, напоминающей крем.

– Не отравлено, обещаю, – сказала она, проглатывая целую ложку. – Пасту обрабатывают *шестнадцать* часов.

Махит приняла плошку без особого трепета.

– Я верю, что ты не собираешься убить меня намеренно – пусть и только из-за своих тщеславных личных амбиций, – ответила она. Три Саргасс возмущенно фыркнула через нос. – А что бы случилось, если бы пасту *не* обрабатывали?

– Цианид, – бодро сказала Три Саргасс. – Природный антипитательный фактор в клубнях. Но вкусно. Попробуй.

Махит попробовала. Какой смысл отказываться. Здесь нет *безопасности*; если только разная степень опасности. Она чувствовала себя на воле волн – и это еще *до* риска отравления цианидом. Каша была слегка горьковатой, насыщенной и вкусной. Доедая, она даже облизала ложку.

* * *

Из дворцового комплекса они выезжали на метро. Туда Три Саргасс повела на четыре этажа вниз и через площадь,

бурлящую от чиновников нижнего эшелона, в палево-кремовой одежде без патрицианских красных оттенков.

– Тлакслаи, – пояснила Три Саргасс, – счетоводы. Они всегда перемещаются толпами. – Затем они спустились на станцию, с которой можно выехать из дворцового комплекса в сам Город. Все стены на входе в метро заклеили плакатами, как показалось Махит, политического содержания: военный флаг Тейкскалаана – веер из копий на фоне звездного неба, – только в ярко-красных оттенках, и копия составляли глиф в стиле граффити, причем Махит пришлось взглядеться, чтобы его расшифровать. Возможно, это слово «гниль», но она сомневалась. В «гнили» меньше шести линий.

– Их уже снимут ко времени, когда мы вернемся, – сказала Три Саргасс, потянув Махит за рукав, чтобы направить вниз по лестнице. – Кто-нибудь вызовет уборщиков. Опять.

– Не твоя любимая... политическая партия? – предположила Махит.

– Я, – ответила Три Саргасс, – бесстрастный наблюдатель из министерства информации и не имею никакого мнения о тех, кто рад развешивать антиимперские плакаты в общественных местах, но не участвует в местном самоуправлении или не сдает экзамены, чтобы поступить на госслужбу.

– Здесь это распространено?

– Это *всегда* распространено; меняются только плакаты, – сказала Три Саргасс. – Уже хорошо, что эти не голографические – не приходится проходить *сквозь*.

Внизу лестницы находилась гладкая платформа со стенами, украшенными мозаикой – где та проглядывала из-за плакатов – с розами сотен оттенков, от белого до золотого и ярко-розового.

– Это станция «Дворец-Восток», – объясняла Три Саргасс. – В дворцовом комплексе всего шесть станций – по всем сторонам света, если смотреть в плоской развертке. – Она показала на карту метро, где дворцовый комплекс был представлен в виде шестиконечной звезды. – Это больше из символических соображений, чем из практических: например, на «Дворце-Земля» сходят в имперские апартаменты, а согласно космологии, они должны находиться на «Дворце-Небе».

– А что на «Дворце-Небе»? – спросила Махит. Вагон бывшего поезда был по-спартански простым, как и космопорт, со множеством тейкскалаанцев во всем белом. Большинство как будто сошли с картин и фотографий – смуглые и низкие, с широкими скулами и широкой грудью, – но встречались люди всех национальностей, со всех планетных систем. Махит даже показалось, что она заметила мутанта из невесомости – словно всего состоящего из длинных конечностей, с сопутствующей бледностью, рыжими волосами и экзоскелетом, чтобы иметь возможность стоять вертикально при планетарной гравитации. Но одевались все пассажиры одинаково, не считая цветов на кремовых рукавах, отмечавших их ветвь госслужбы. Все – работники дворца, Города.

Все – тейкскалаанцы больше, чем она может надеяться стать, сколько бы стихов ни заучила. Она взялась за металлический поручень, когда поезд начал движение – сперва помчался через темный туннель, а потом выбрался на улицу, на надземные пути. За окнами проносился Город, здания сливались.

– Архивы, министерство войны, цензурное ведомство империи, – отвечала на прошлый вопрос Три Саргасс.

– С космологической точки зрения не сказать, что это неправильно.

– Какое у тебя странное мнение о том, что мы шлем во вселенную, – сказала Три Саргасс.

– Литература, завоевания и все запрещенное. Что не так?

Двери с шипением раздвинулись; вышла половина тейкскалаанцев. Вместо них зашли более красочно одетые люди; несколько детей. Самые младшие беззастенчиво глазели на Махит, а их сопровождающие – родители, клон-роды или воспитатели из яслей, трудно сказать – не старались их одергивать. Все встали подальше от Махит и Три Саргасс, несмотря на многолюдность, и Махит задумалась насчет табу на прикосновения, насчет ксенофобии. Когда здесь был Искандр – когда здесь был *имаго*-Искандр, то есть пятнадцать лет назад, – очевидного нежелания физического контакта с иностранцами еще не существовало, как не существовало в любом тейкскалаанском культурном контексте, известном ей.

Перемены в отношении к чужакам указывали на неуве-

ренность в себе; это она знала из самого базового обучения психологической реакции, которое проходят все граждане Лсела во время тестирования способностей. В Городе что-то *изменилось* – и она не знала что.

– Мы сели на линии «Дворец-Восток» и направляемся на плазу Центр-Девять, – сказала Три Саргасс, пожимая плечами, словно отвечая на какой-то вопрос Махит, и показала на пересекающиеся линии подземки на настенной карте. Метро покрывало Город кружевами, как кристаллы льда покрывают оконное стекло: фракталы множества линий, невозможная сложность. И все же тейкскалаанцы пользовались метро без хлопот и труда; на платформе стояли точно настроенные часы для отсчета времени прибытия – причем часы *не вращались*.

* * *

Людей на плазе Центр-Девять было больше, чем Махит когда-либо видела в одном месте. Стоило подумать, что она поняла масштаб Жемчужины Мира, как тут она осознавала, что ошибалась. Сравнить со Лселом никак не получалось. Лсел – крупнейшая из десяти станций – мог принять самое большее тридцать тысяч обитателей. Сейчас по одной только этой площади ходило вчетверо больше тейкскалаанцев – и ходило произвольно, не подчиняясь коридорным разметкам или сменяющейся силе гравитационного поля, куда пожелают. Если в их движении и был какой-то организующий

принцип, то скорее откуда-то из области гидродинамики, а та никогда не входила в область знаний Махит.

Из Три Саргасс получился образцовый экскурсовод. Она держалась слева от Махит – достаточно близко, чтобы ни одному любопытному тейкскалаанцу не пришло в голову додумать варвара-иностранца несвоевременными вопросами, но и достаточно далеко, чтобы не вторгаться в личное пространство Махит. Показывая архитектурные достопримечательности и места, представляющие исторический интерес, она иногда забывалась и машинально ударялась в многослоговые строфы. Махит завидовала ее беглому владению отсылками.

От центра плазы распускались сияющая сталь, золото и стекло зданий, словно лепестки цветка, раскрывая наверху полыхание ярко-голубого неба. Махит попросила Три Саргасс задержаться прямо посередине, чтобы отклониться всем телом и просто *посмотреть*. Небесный свод – головокружительный, бездонный – он как будто кружился. Она стоит в центре мира, и...

... ее рука кровотоцит ярко-красным в золотое солнце ритуальной чаши (его рука, не ее – рука Искандра), небо такой же формы, на своде мерцает множество звезд, когда он смотрит через взрыв лепестков, что служит крышей храма солнца, и в колкость и бешеное кружение неба произносит: «Теперь мы поклялись служить делу, ты и я – твоя кровь и моя...»

Махит моргнула, и проблеск пропал. Спина уже затекла, так что она выпрямилась. Три Саргасс улыбалась.

– Да у тебя *солнечный шок*, – сказала она.

(*имаго-шок*)

– Надо отвести тебя в храм, чтобы жрецы сбрызнули тебя кровью и золотом. Ты что, никогда не была на планете?

Махит сглотнула. В горле пересохло, и она все еще чувствовала медный запах крови из *прошлого* – мысленное послевкусие.

– Ни на одной планете, где я была, нет неба такого цвета, – выдавила она. – Нам разве не надо торопиться на встречу? Из-за отлучек к духовенству мы *точно* опоздаем.

Три Саргасс выразительно пожала плечами.

– Храмы солнца никуда не денутся. Службы идут каждый час. Чаше, если ты отправляешься из Города или вступаешь в армию и поэтому хочешь укрепить удачу и заручиться благоволением звезд. Но ресторан – прямо там, если тебя не затруднит сойти с середины Центра-Девять, – она показала вытянутой рукой.

Ресторан, о котором шла речь, был открытым и светлым, на каждом белокаменном столике в качестве украшения поблескивали мелкие тарелки с водой, где плавали голубые цветы со множеством лепестков. Махит это показалось ужасно расточительным, но она подозревала, что Три Саргасс даже не задумывается о таком количестве без толку простаивающей воды.

Пятнадцать Двигатель ожидал за угловым столиком. Средних лет, широкие плечи над солидным брюшком, седые волосы цвета стали зачесаны с аристократичного низкого лба и завязаны в хвост, скрепленный металлическим кольцом. Облачная привязка была такой же, какой она ее вспомнила – какой ее вспомнил Искандр: несоразмерное бронзовое оружие, прятавшее левую глазницу от скулы до лба. Когда Три Саргасс всего лишь назвала его имя, она уловила эхо после только что закончившейся мощной вспышки эмоций: отдаленная теплота, отдаленная досада. Но затененные, полузабытые. Возможно, и вовсе ничего не почувствовалось. Призрачная память, а не полезные ощущения от имаго.

Махит осознала, что представляла себе Пятнадцать Двигателя моложе – всего лет на пять-десять старше нее. Но он служил культурным посредником Искандра, когда тот только прибыл двадцать лет назад, причем совсем недолго: может, ее имаго и молодой, но имаго сам устарел на пятнадцать лет, и все, что знает о нем Пятнадцать Двигатель, соответственно, устарело.

Тем не менее Махит подняла ладони для приветствия. Соприкосновение пальцев как током ударило – будто она чувствовала все нервы в руках, эхо от случаев, когда это движение повторял Искандр. Почти словно он вернулся.

Опустив ладони, Пятнадцать Двигатель осмотрел ее и насмешливо произнес:

– О звезды, Искандр, она же в четыре раза младше тебя.

Как тебе *ощущения*?

– Так и знала! – сказала Три Саргасс, пихнув Махит в плечо. – У тебя такой же аппарат и, *естественно*, у тебя в голове мозг предшественника...

– Цыц, – сказала Махит и села. Села точно так же, как садилась в восемнадцать лет: неловко, по-девчачьи, не находя место слишком длинным рукам, и увидела, как обнадеженное выражение Пятнадцать Двигателя сменилось опаской.

– Искандр мог несколько преувеличить масштаб переноса личности, – сказала она отрывисто.

– Но ты же там?...

– Сейчас нет, – ответила Махит и понадеялась, что Три Саргасс примет это за задуманное действие имаго-механизма, а не за критическую ошибку. – К тому же мне очень интересно услышать, что мой предшественник так несдержанно делился информацией о закрытой технологии.

– Как вижу, вашей посреднице понадобилось приблизительно тридцать шесть часов, чтобы вытянуть те же сведения из вас.

– Смягчающие обстоятельства, патриций, учитывая, что Искандр мертв.

– Неужели, – бросил Пятнадцать Двигатель сухо.

– Человек, которого вы знали, – да.

– Тогда мне незачем с вами беседовать, – ответил Пятнадцать Двигатель. – Добрую часть двадцати лет я нахожусь вне межзвездной политики. Больше десяти лет назад я ушел в от-

ставку из министерства информации. Живу тихо и занимаюсь собственной работой вдали от перипетий центрального правительства. — Он собрался встать, отодвинулся на кресле от стола. Тарелка с цветами затряслась; вода плеснула за край и побежала по камню, чтобы капнуть на пол ресторана.

Завороженная таким транжирством, Махит только успела сказать: «Похоже, он вам доверял», — пытаюсь хоть как-то спасти встречу, но Пятнадцать Двигатель ловко отступил на шаг, чтобы не угодить в лужу, — и тут мир полыхнул белым и заревел.

* * *

Она лежала на полу, мокрой щекой в пролитой воде. В воздухе клубились густой едкий дым и крики на тейкскалаанском. Ей на бедро упала часть стола — или часть стены, тяжелый обездвиживающий мрамор, — и, стоило шевельнуться, Махит прибило к полу гвоздем сияющей боли. Поле зрения было частично закрыто — перед глазами торчали ножки кресел и обломки, — но все, что было видно, пылало.

Она знала тейкскалаанское слово «взрыв» — основа военной поэзии, обычно приукрашенное эпитетами типа «потрясающий» или «огнецветный», — но теперь, экстраполируя из криков, узнала и слово «бомба». Короткое. Можно кричать очень громко. Это она поняла, потому что именно его кричали люди, когда не кричали «помогите».

Три Саргасс нигде не было видно.

На лицо что-то капало – мокрое, как разлитая вода, но с другой стороны. Капало, собралось и пролилось из впадинки виска по щеке и глазу, и было *красным*, было *кровью*. Махит повернула голову, выгнула шею. Кровь свернула вниз, в рот, и она сжала губы.

Кровь текла от Пятнадцать Двигателя, упавшего обратно в кресло: его рубашку – его торс – разорвало, горло испещрило шrapнелю. Лицо – девственно-чистое, глаза – открытые, остекленевшие. Должно быть, бомба находилась близко. Справа от него, видела она по углу попадания осколков.

«Искандр, прости», – подумала она. Может, ей и не нравился Пятнадцать Двигатель – а всего мгновение назад он начал не нравиться очень остро и сильно, – это все же человек Искандра. И она была в достаточной степени Искандром, чтобы ощутить чужую скорбь. Упущенную возможность. Утрату того, что не смогла защитить.

Перед носом появились колени в прокопченных кремовых штанах, а затем Три Саргасс уже стирала руками кровь с ее лица.

– Мне правда хотелось бы, чтобы ты осталась жива, – сказала Три Саргасс. Махит с трудом слышала из-за криков, и даже крики заглушались растущим электрическим гулом, словно ионизировался сам воздух.

– Тебе повезло, – сказала Махит. Голос подчинялся. Челюсти слушались. Теперь в рот попала кровь, несмотря на

все старания Три Саргасс.

– Отлично, – сказала Три Саргасс. – Прекрасно! Сообщать о твоей смерти императору было бы очень стыдно и наверняка прикончило бы мою карьеру, а еще, кажется, я бы и сама расстроилась... ты же *не умрешь*, если я уберу этот кусок стены, я ведь не икспланатль, я ничего не понимаю в неритуальном кровопускании, только что нельзя выдергивать стрелы из вен, да и то видела в очень плохой театральной адаптации «Тайной истории императоров»...

– Три Саргасс, у тебя истерика.

– Да, – сказала Три Саргасс, – *знаю*, – и отпихнула то, что прижимало Махит к земле. Облегчение стало новой болью. Гул забирался все выше, воздух между Три Саргассю и ею самой начал заплывать бледным и ужасающим голубым цветом, словно на глазах смеркалось. Мраморный пол ресторана покрылся рисунком тревожных микросхем – все синие, все сияющие, окрашивали воздух светом. Махит вспомнились утечки из ядерного реактора – как они сверкали синим, прожаривая плоть; вспомнилось то, что она читала о молниях с небес. Если воздух правда ионизирован, им уже конец. Она с трудом поднялась на локти, дернулась к руке Три Саргасс, схватилась, смогла сесть.

– Что случилось с воздухом?

– Взорвалась *бомба*, – сказала Три Саргасс. – Ресторан горит – что, по-твоему, еще могло случиться с воздухом?

– Он *синий*!

– Это Город замечает...

Часть крыши ресторана содрогнулась и рухнула, оглушительно громко. Три Саргасс и Махит одновременно пригнулись, прижались друг к другу.

– Отсюда нужно выбираться, – сказала Махит. – Вдруг это не единственная бомба, – слово легко срывалось с губ. Интересно, произносил ли его Искандр.

Три Саргасс подтянула ее на ноги.

– С тобой это уже происходило?

– Нет! – ответила Махит. – Никогда.

На Лселе бомба в последний раз взрывалась еще до ее рождения. Взрывом террористы – они себя звали революционерами, но были просто террористами – впустили на станцию вакуум. Впоследствии их изгнали в космос и отключили все их линии имаго: вместе с самым старшим было утеряно инженерное знание тринадцати поколений. Станция *не сохраняла* тех, кто готов раскрыть невинных космосу. Если этим затронута вся имаго-линия, ее уже не стоит оставлять.

На планете все иначе. Синим воздухом можно было дышать, хоть он и провонял дымом. Три Саргасс поддерживала ее за локоть, пока они выходили на плазу Центр-Девять, где небо было все того же невозможного цвета, словно ничего не случилось. По площади к безопасности других зданий или к темному убежищу метро струился поток тейкскалаанцев.

– Может быть, – спросила Три Саргасс, – бомбу принес Пятнадцать Двигатель? Ты не видела...

– Он погиб, – перебила Махит. – Ты хочешь сказать, он был каким-то... пожертвовал собой?

– Неудачно, если так. Ты ведь жива. Как и я. И ничто в досье Пятнадцать Двигателя – *даже* в связи с Одилией – не предполагает, что он сотрудничает с террористами, смертниками или теми активистами, которым явно *мало одних плакатов...*

– Какой смысл убивать нас? Он хотел со мной поговорить – ну, с Искандром, – и это ты его приглашала на завтрак.

– Я просто пытаюсь разобраться, насколько превратно я поняла ситуацию, – ответила Три Саргасс, – и оценить, насколько *для тебя* велика опасность, – или тебе просто ужасно не повезло, – или кто-то начинает очередную серию взрывов...

– Очередную? – переспросила Махит, но вместо ответа Три Саргасс остановилась. Застыла, ее рука на локте удержала Махит.

Перед ними раскладывался центр площади. То, что ранее Махит принимала за плитку и инкрустацию из металла, оказалось какой-то арматурой, которая поднималась из земли и загоняла толпу в стены из золота и стекла, потрескивающие все от того же синего света. Когда стены надвинулись, прижимая Махит и Три Саргасс к небольшой кучке черных от дыма и шокированных тейкскалаанцев, стало видно бегущие по прозрачной ограде слова. Написанные теми же графическими глифами, что и уличные знаки, и карты метро. Катре-

ны – снова и снова повторяющиеся четыре строки. «Спокойствие и терпение дают безопасность, – прочитала Махит, – Жемчужина Мира сохраняет сама себя».

– Не трогай Город, – сказала Три Саргасс. – Он нас охраняет, пока не придут Солнечные. Это полиция императора, – уголки ее губ поползли вниз. – Город не должен удерживать меня – я патрицианка, – но, наверное, он еще не заметил.

Махит не сдвинулась с места. По стенам ползли золотые стихи и синий переливающий свет.

– Что будет с теми, кто не умеет читать? – спросила она.

– Все граждане умеют читать, Махит, – ответила Три Саргасс так, словно она сказала что-то невразумительное. Подняла руку к облачной привязке на левом глазу, постучала по оправе, настроила. Прозрачный пластик, закрывавший глазницу, осветился красным, серым и золотым, словно вторя патрицианским цветам на рукавах.

– Погоди, – сказала она. – Это должно помочь.

Она протолкалась из толпы. Махит следовала за ней. Идти было больно – ноющая боль расплзалась от бедра по низу живота. Три Саргасс подошла прямо к выдвинувшейся части площади, встала в каких-то дюймах от стекла и произнесла:

– Три Саргасс, патрицианка второго класса, асекрета. Город: подтверди удостоверение министерства информации.

По небольшому участку стеклянной стены и облачной привязке побежали слова, отражая друг друга. Разговаривая,

три Саргасс что-то неслышно пробормотала – Махит показалось, набор цифр, но толком не расслышала, – и тогда на стекле напечаталось слово, которое она могла разглядеть.

«Разрешено», – было сказано там. Три Саргасс протянула руку и сделала именно то, что просила не делать Махит: коснулась стены, словно ожидала, что та перед ней раскроется, как дверь. Жест был небрежный, инстинктивно бесстрашный, так что Махит даже не поняла, почему Три Саргасс издала такой звук, будто ее ударили, и завалилась назад с оцепеневшими руками. Ее вытянутые пальцы соединялись с Городом линией синего пламени.

Махит поймала ее. Она была такая маленькая. Все тейкскалаанцы маленькие, но Три Саргасс вообще ростом с подростка-станционника, едва доходила Махит до ключицы, и абсурдно легкая для человека в таком количестве одежды. Махит села на землю. Три Саргасс осталась у нее на коленях, ошарашенная, с закатившимися глазами, дышала страшными толчками. Толпа подалась назад от них обеих.

Город по-прежнему говорил «Разрешено» – там, где не появилась дверь. Махит посетила яркая и ужасающая фантазия, будто весь искусственный интеллект, поддерживающий жизнь Жемчужины Мира – все ее канализации, лифты и кодовые замки, – запрограммирован тем, кого Искандр оскорбил настолько, что тот поклялся убить ее и всех, кому не повезло быть ее знакомыми. Идея выглядела абсурдной: она всего *один человек*, хоть и унаследовала все планы Искандра,

а в Городе еще столько тейкскалаанцев, которые могут стать случайными жертвами. Столько *граждан*. Многовато настоящих людей, чтобы империя пожертвовала ими всеми из-за одной варварки. И все же вот она – заточена в стеклянной тюрьме, а ее культурную посредницу ударили током за самое обычное действие. Абсурд казался даже слишком логичным вариантом, когда так много и так быстро идет под откос.

– У вас нет воды? Для нее? – спросила она, поднимая взгляд. Лица окружающих тейкскалаанцев не изменились: залитые слезами, обожженные или невредимые – никто не казался *встревоженным*; не так, как выглядел бы на их месте станционник. Ее собственное лицо стало маской, скомканной переживаниями. Вдруг она испугалась, что заговорила не на том языке; она сама уже не знала, на каком языке думает. На том, другом, или на всех сразу.

– Воды, – снова попросила она беспомощно.

Кто-то пожалел ее – или Три Саргасс, все еще обмякшую и ни на что не реагирующую; подошел и присел человек. Его толстая коса расплелась, пряди прилипли из-за пота ко лбу, на левом лацкане костюма был приколот большой и нелепый значок в виде бутоньерки с фиолетовыми цветами.

– Вот, – проговорил он громко и медленно, протягивая пластиковую бутылку, – вода.

Махит взяла.

– Я Махит Дзмаре, – сказала она. – Я посол... Я не понимаю, что происходит.

«Я совершенно одна».

Она отвернула крышечку, налила в пригоршню воды и замешкалась, не зная, плеснуть в лицо Три Саргасс или влить в губы. – Благодарю вас, сэр. Вы не могли бы известить дво-реца, что асекрета ранена? Попросить выслать... транспорт врачей, – было какое-то слово получше, но она не могла его вспомнить.

– Это асекрета? – переспросил мужчина. – Тогда подо-ждите. Скоро придут Солнечные – их вызовет Город. Луч-ше пусть они о вас позаботятся.

Махит спросила себя, не значит ли это «добьют». Решила, что это не важно. Бежать она не собиралась. Бежать было некуда.

– Спасибо за воду, – сказала она.

– *Откуда* вы?

Махит подавила звук, который хотел стать смешком.

– Из космоса, – сказала она. – Со станции.

– Вот как, – сказал человек с бутоньеркой. – Мне жаль. Не переживайте. Никто не думает, что бомба взорвалась из-за вас. Здесь не такой район. – Он хотел было погладить ее по руке, но она отшатнулась.

– А из-за кого? – спросила она. Ответа она не ждала. Но он пожал плечами и все же сказал:

– Не все в Городе любят Город. – И снова поднялся, оставив ей бутылку воды.

«Не все в Городе любят Город. Не все в мире любят мир,

для кого-то цивилизация не равнозначна известной вселенной – для кого-то с бомбой, кому плевать на случайные смерти...»

Вода закапала с пальцев в рот Три Саргасс; побежала по щеке, как кровь Пятнадцать Двигателя бежала по щеке Махит. Она не могла на это смотреть. Вернула бутылку так, словно возвращала нож, рукояткой вперед, стараясь не разлить. Три Саргасс тихо и гортанно простонала, и Махит решила, что это хорошо: она не умерла. Может, даже и не умрет.

В окружении тейкскалаанцев Махит чувствовала себя почти невидимой. Ни один из них не представлял, что ей следовало быть *более* Искандром или знать, как Искандр поступил бы или не поступил. Ни один, если только среди них нет подрывника, а тогда ей ничего не остается, только ждать.

* * *

Солнечные появились, как восход планеты в иллюминаторах станции: медленно, а потом все сразу, отдаленный намек на золото, мерцающее за загоном из умных стен Города и подползавшее все ближе и ближе, пока не стало взводом имперских солдат в сияющей натальной броне – образ из каждого тейкскалаанского эпоса, которые Махит так обожала в детстве, и каждого антиутопического романа станционников об ужасах надвигающейся империи. Перед ними стена, уда-

рившая током Три Саргасс, опустилась, без следа погрузилась обратно в площадь, и Махит вспомнила, как человек с водой сказал, что «их вызовет Город».

Махит поднялась на ноги, взяв Три Саргасс под руку и поддерживая бедром. Голова ее откинулась назад, на плечо Махит. Ее руки чуть не поднялись, чтобы соприкоснуться кончиками пальцев, – машинальный жест, который показался Махит скорее инстинктивным или, если б это было возможно, вызванным имаго, а не родившимся в разуме самой Три Саргасс. Неврологическая марионетка.

Главный Солнечный ответил на этот недожест с идеальной и невозмутимой формальностью. Его лицо, как и лица всего отряда, пряталось за облачной привязкой от линии волос до подбородка – матовый и отражающий золотой щиток. Махит не могла разглядеть никаких черт – как, видимо, и было задумано.

– Вы Махит Дзмаре? – спросил Солнечный. Позади Махит пропали и тот, кто подал воду, и все остальные. Мельком ей пришлось в голову, что это они *злоумышленники*, а теперь скрываются от представителей закона. «Не все в Городе...»

– Да, – ответила она. – Я посол Лсела. Моя посредница ранена, и я бы хотела вернуться в свои покои во дворце.

Если офицер и отреагировал – положительно или отрицательно, – Махит не поняла.

– От имени Тейкскалаанской империи, – сказал он, – мы сожалеем об угрозе здоровью, которой вы подверглись на на-

шей территории. Мы уверены, вы будете рады слышать, что по причинам и целям установки взрывного устройства начато расследование.

– Я очень рада, – сказала Махит, – но еще больше буду рада медицинской помощи и безопасному возвращению на свою дипломатическую территорию.

Солнечный продолжал так, будто Махит и слова не сказала.

– Ради вашей же безопасности, госпожа посол, мы просим вас пройти с нами под защиту Шести Раскинутых Ладоней, чтобы Один Молния – яотлек светозарного звездopodobного императора Шесть Пути – и министр войны Девять Тяга обеспечили вам надежную защиту.

Шесть Раскинутых Ладоней – это военное ведомство Тейкскалаана: пальцы, протянутые во всех направлениях, чтобы охватить известную вселенную и достать до самых далеких уголков. Само название уже стало архаичным; даже тейкскалаанцы в обиходе употребляли слово «флот» или именовали конкретный полк либо дивизию в честь их отличившегося яотлека – главнокомандующего объединением легионов. Из-за того, как выразился Солнечный, Махит показалось, будто ее *формально* арестовали; с соблюдением всех соответствующих процедур. Причем арестовал не просто Город и император, а *министр войны*.

Не арестовал – обеспечивает надежную защиту.

Сильно ли отличаются эти два оборота? Не очень, кто бы

ее там ни арестовывал.

Она извлекла из жалкой каши, в которую расплылся разум после культурного шока, самое формальное обращение и понадеялась, что излучает напор и самообладание, которых сама в себе не чувствовала.

– Защита почтенного яотлека Один Молнии не есть дипломатическое пространство Лсела. Если я в опасности, то, не сомневаюсь, ко входу в мои покои можно просто поставить охрану.

– Мы уже не уверены, что подобных мер достаточно, – ответил Солнечный, – учитывая несчастный случай, постигший вашего предшественника. Вы пройдете с нами.

Махит почти не сомневалась, что это угроза.

– Или? – спросила она.

– Вы *пройдете* с нами, посол. Вашу посредницу, конечно, доставят в больницу, чтобы наладить облачную привязку после этого неудачного взаимодействия с Городом. Не извольте волноваться. – Солнечный сделал шаг вперед, и весь отряд повторил за ним, словно эхо. Их было десятеро – одного не отличить от другого. Махит не тронулась с места. Как же она жалела, что Три Саргасс не в сознании и не в себе, чтобы вывести их из этой ситуации: объяснить, кто такой этот Один Молния – мелкий военный бюрократ или политический игрок, – всегда ли Солнечные подчиняются министру войны или делают исключение в случае терактов в высококласных ресторанах.

Сколько времени она растрачивала на сожаления из-за отсутствующих источников информации. А сожаления не помогут. *Не знает* она, и все тут. Знает только то, что под арест ей не хочется. Знает только то, что от тейкскалаанской армии не сбежать. Знает только, что если даже попытается, то придется бросить Три Саргасс, а пойти на это она была не готова.

Как еще им можно помешать?

– Боюсь, я не смогу пойти с вами. – Она пыталась отыграть время. Лишние секунды, чтобы вспомнить технический дипломатический лексикон, самые официальные обороты, а потом – чувствуя себя так, будто выходит из шлюза, сознательно не проверив уровень кислорода в скафандре, – попросить об убежище. – В силу существующей договоренности я вынуждена присутствовать сегодня днем на встрече с эзуазуакатом Девятнадцать Тесло, чей приход озаряет нас подобно блеску ножа. Уверена, она будет чрезвычайно недовольна, если я отправлюсь на встречу с многоуважаемым почтенным Один Молнией, не исполнив сперва свое обязательство перед ней. Трагическое происшествие в ресторане не должно встать на пути отлаженной работы вашего правительства и его переговоров с моим.

Она надеялась, что ничего не перепутала в этом проклятом эпитете.

– Один момент, госпожа посол, – ответил офицер и обернулся к остальным. Их щитки под золотистой отражающей

поверхностью, прятавшей лица от обозрения, осветились синим, белым и красным, пока они общались по какому-то защищенному каналу.

К ней вернулся один из них. Не тот, который говорил раньше, Махит почти не сомневалась.

– Мы свяжемся с офисом эзузуаката. Если проявите терпение.

– Я подожду, – ответила она. – Но была бы благодарна, если бы вы вызвали и карету «Неотложной помощи» для моей посредницы, – вот теперь нужное слово вспомнилось. Приятно знать, что годы дипломатической подготовки и зубрежки лексикона все-таки *окупаются*, когда надо, даже в случае, если она вся в саже и запекшейся крови. Теперь только оставалось надеяться, что она *нужна* Девятнадцать Тесло – вернее, что ей нужен Искандр, нужно то, что Искандр пообещал, – настолько, чтобы перечить приказу командира армии, которому подчиняется даже полиция Города.

Пожалуй, лучше не задумываться, не сама ли Девятнадцать Тесло организовала взрыв. Пока рано. По проблеме за раз.

Второй Солнечный скользнул обратно в их отряд. Махит тут же запуталась, кто из них кто, – она концентрировалась на том, чтобы стоять неподвижно, поддерживать Три Саргасс, хранить на лице одновременно бесстрастность и недовольство, вспоминая, как Искандр мог преобразить ее губы в испепеляющую ухмылку, полную имперского презре-

ния, лишь чуть расширив ее глаза. Махит ждала и воображала себя неуязвимой, как Первый Император, вырвавшийся с родной планеты, или обожаемый Три Саргассю Одиннадцать Станок, философствующий среди инопланетян – а чем же *еще* она занимается? Прямо здесь. Прямо сейчас. Тянулись минуты. Солнечные переговаривались по лицевым щиткам. Три Саргасс издала почти нечленораздельное «что?» и ткнулась лицом в плечо Махит – это было почти что *мило*.

Первый Солнечный – или неотличимый от первого – подал сигнал остальным. Они рассеялись среди остатков толпы, тихо говорили, брали показания у очевидцев. Махит приняла это за добрый знак: грубой силой ее принуждать никто не собирается.

– «Неотложная помощь» вызвана, – сообщил Солнечный.

– Я дождусь ее перед тем, как исполнить обещание эзуазуакату.

Пауза; Махит представила немало раздраженное выражение Солнечного под щитком и была довольна собой.

– Можете ждать, – сказал офицер, – а потом мы лично сопроводим вас в офис эзуазуаката. В такое время неуместно пользоваться общественным транспортом. Более того, многие ветки метро закрыты, транспорт в этом секстанте остановлен на время расследования.

– Благодарю за то, что уделяете ваше личное время, – сказала Махит.

– У нас не бывает личного времени. Вы не доставляете

неудобств.

То, что Солнечный ответил во множественном числе от первого лица, было необычно и слегка сбивало с толку. По грамматическим правилам вместо «нас» должно идти «меня» с притяжательным глаголом в единственном числе. Тут можно написать целую статью по лингвистике – чтобы де-вушки на станциях зачитывались в смену отбоя...

Не важно. Не до этого. Прибыла «Неотложная помощь» – гладкий серый пузырь со сверкающими белыми маячками и сиреной – повторяющейся пронзительной высокой нотой. Карета изрыгнула икспланатлей-медиков в алых плащах. Патологоанатома из подвала Юстиции среди них не было, чему Махит только радовалась. У нее аккуратно забрали Три Саргасс и успокоили насчет шансов на выздоровление. Городские электроразряды случаются то и дело, сказали они. Сейчас чаще, чем несколько лет назад. Это просто нейрошок, ошибка в прошивке, флуктуация в числах огромного алгоритмического ИИ, управлявшего автономными функциями Города.

– Вы готовы отправляться, госпожа посол? – спросил Солнечный.

Махит хотелось бы заранее передать Девятнадцать Тесло сообщение – что-нибудь в духе «еду с полицейским сопровождением, ужасно извиняюсь, надеюсь, вам нравятся политические неурядицы, а если не появлюсь, значит, меня похитили», – но не придумывалось, как бы это сделать.

– Не хотелось бы опоздать, – сказала она.

Глава 5

До того как тейкскалаанцы массово вышли с орбиты – когда мы еще были прикованы к единственной бедной ресурсами планете, усеянной теми городами, что нам удалось возвести в степях, пустынях и на соленой воде, пока мы все же не переросли сию скорлупу, – до того как Первый Император повел нас в черноту и обрел рай, что станет Городом, у наших вождей было в обычае набирать среди ближайших товарищей *дружинцу*, связанную кровавой жертвой: лучших и самых доверенных друзей, самых важных соплеменников, готовых по зову долга опустошить все свои вены в пригоршню императора. И называли тех дружинников эзуазуакатами, как зовут и по сей день, и сила их несет волю императора меж звезд. Первую эзуазуаката Первого Императора звали Один Гранит, и начинала она так: родилась она от копья и коня и не знала ни града, ни космопорта...

«Тайная история императоров», 18-е издание, сокращенное для яслей

* * *

... Совет должен состоять не менее чем из шести (6) советников, каждому дается один голос

по всем важным вопросам, а в спорных ситуациях последнее слово остается за советником по пилотам в знак того, что этот советник символически представляет первого капитана-пилота, который вывел станции в сектор Бардзраванд. Советники назначаются следующим образом: советник по пилотам – одним голосованием действующих и отставных пилотов; советник по гидропонике – решением предыдущего советником по гидропонике, в случае его смерти – по его завещанию, в случае отсутствия завещания – общим голосованием среди жителей станции Лсел; советник по культурному наследию – решением наследника имаго от предыдущего советника...

Из устава руководящего Лселского совета

Никто ее не похитил.

После утреннего нагнетания поездка обратно во дворец на пассажирском сиденье транспорта Солнечных была достаточно разочаровывающей, так что на Махит успела навалиться слабость и дрожь от всего выплеснутого адреналина. Очень хотелось закрыть глаза, приложить голову к мягкому подголовнику и перестать думать, реагировать или вообще *очень стараться*. Если бы она так и сделала, этот Солнечный – а то и все остальные; надо будет спросить о них Двенадцать Азалию или кого-нибудь еще, кто коллекционирует интересные факты из медицины, если шанс вообще представится – *узнает*, что она делает. Так что она сидела навтыжку и вперилась в дорогу перед собой, пока они вертикально подни-

мались по уровням Города. Здания утончались, становились все более замысловатыми, крепче стягивались мостиками из стекла и стали с золотыми прожилками, пока транспорт не вернулся в дворцовый комплекс и Махит почти узнала, где находится. Еще не настолько, чтобы объяснять дорогу другим, но, возможно, достаточно, чтобы не заблудиться самой.

Солнечный не отставал от нее всю дорогу через две площади и мешанину коридоров в крупнейшем здании Дворца-Север – розово-сером полупрозрачном кубе, который поджался, словно сияющая крепость, и кишел тейкскалаанцами в костюмах серого цвета, переходящего в розовый или белый – по символическим причинам, каких Махит не знала без помощи имаго. Они провожали ее взглядами с озадаченным интересом, и по праву, полагала Махит: она все еще была в крови Пятнадцать Двигателя. Что подумает Девятнадцать Тесло в своем идеально белом платье, Махит не знала и особенно не переживала.

Офис эзуазуаката – он же, подозревала Махит, ее апартаменты, если взять за общегородской образец свое собственное жилье – начинался с просторного и светлого помещения за дверью все того же розово-серого цвета, которая раздвинулась, несмотря на кодовый замок, как только Солнечный объявил, что Махит Дзмаре прибыла на *встречу*. От Махит не ускользнул саркастический выверт интонации. Впрочем, ее план был довольно прозрачный. Тонкость – для тех случаев, когда есть время подумать. Пол за дверью был сине-

вато-серым, огромные окна – розового оттенка, чтобы небо не заливало светом множества голоэкранов в рабочем пространстве, паривших вокруг Девятнадцать Тесло широкой дугой, словно схематичная солнечная корона. Она все еще была во всем белом, но где-то сбросила камзол и рукава закатала до середины предплечий. Присутствовали и другие тейкскалаанцы – слуги, помощники или чиновники, – но она сияла среди них, привлекая глаз. Махит задалась вопросом, с какого возраста она начала так одеваться, хотела было спросить Три Саргасс, но вспомнила, что Три Саргасс где-то в больнице, в Городе. Попыталась выпрямиться, несмотря на ноющую боль там, где бедро придавила стена ресторана.

Девятнадцать Тесло смахнула три голограммы мановением запястья: две – текстовые, а одна – что-то вроде масштабной модели плазы Центр-Девять, вид сверху. Их остаточные изображения все еще светились.

– Спасибо, – сказала она Солнечному, – за то, что в целости доставили посла Дзмаре на встречу со мной. Вашему взводу объявят благодарность; я об этом позабочусь. Вольно.

Солнечный безропотно растаял обратно в дверях – и Махит осталась одна на территории эзузуаката. С угрюмым профессионализмом подняла руки для формального приветствия.

– Вы только посмотрите, – сказала Девятнадцать Тесло. – Какая корректность после такого утра.

Махит обнаружила, что терпения у нее уже не осталось.

– Вы бы предпочли грубость?

– Конечно, нет. – Она оставила заботам помощников дисплеи и прозрачные информационные окна с бегущим текстом, подошла к Махит. – Ты молодец, что добралась сюда. Твой первый *умный* ход с самого прибытия.

Махит оцетинилась:

– Я приехала не для того, чтобы меня оскорбляли...

– Я не имела в виду ничего подобного, посол. И не изволь волноваться – это только первый *умный* ход; но ты успела проявить и смекалку.

Различие слов было обидным; слово «смекалка» относилось к звериной хитрости аферистов и лоточников на рынке.

– Полагаю, как любой варвар, – ответила Махит.

– Не *любой*, – сказала Девятнадцать Тесло. – И получше многой молодежи, которая оказывалась при дворе в особенно беспокойное время. Ты можешь расслабиться? Я вовсе не горю желанием тебя допрашивать, пока на тебе чьи-то чужие телесные жидкости, а кроме того, ты же сама практически попросила об убежище.

– Не просила, – сказала Махит.

– Но нашла, если тебе так больше нравится. – Она стрельнула глазом за туманным стеклом облачной привязки, вслед за чем рядом выросла одна из ее помощниц. – Пять Агат, будь добра, проводи посла Дзмаре в душ и предоставь одежду по росту.

– Конечно, ваше превосходительство.

Что оставалось, кроме как подчиниться? Хотя бы, думала Махит, буду *чистой* заложницей.

* * *

Душ не выглядел роскошным или броским. Облицованный успокаивающей черно-белой плиткой, с горячей водой, с настенной полкой для множества средств для волос, которые Махит не трогала, – личная полка Девятнадцать Тесло? Или какой-то общий душ для всех ее работников? Казалось, она из тех, кто требует от всех своих *жить* в непосредственной близости, но нет, это литературный штамп, а тейкскаланцы все же люди, как бы ни старались от них отличаться. Махит встала под водой и следила, как по рукам в сток сбегает все, что осталось от Пятнадцать Двигателя.

Потянулась за мылом – бруском, а не жидким, как в станционных душах, – и стоило руке появиться в ее поле зрения, с вытянутыми пальцами, в совершенно обычном движении, как рука оказалась не ее, а грубее, крупнее, с плоскими, квадратными и наманикюренными ногтями, – за этим мылом, в этом душе тянулась рука *Искандра*. Вода теперь была по плечам ниже – из-за разницы в десять сантиметров роста. Ее самоощущение заглушили форма торса и центр тяжести – в груди, а не в бедрах. Так же она себя чувствовала, когда их впервые интегрировали, совсем недолго – форму скорее его *тела*, чем ее, физическое наложение, – но как он попал

в душ эзузуаката Девятнадцать Тесло?

«Искандр?» – попыталась позвать она опять. Молчание. Чужие ноющие мускулы – некая приятная усталость.

И вот она стала собой, в своем собственном теле, удвоение и проблеск памяти ушли: одна в душе, наедине с болью от синяка на бедре, безо всяких признаков чужого тела, вспоминала, как именно Девятнадцать Тесло назвала его другом, как именно касалась лица мертвого Искандра со странной нежностью.

Ведь совершенно в *характере* Искандра переспать с женщиной, зовущей себя Блеском Ножа. Этот искрометный амбициозный человек, который влился в новую комбинацию себя и Махит Дзмаре, человек, который ответил «наверняка крамола» на вопрос о том, что он мог натворить, – чего же еще от него ожидать.

И это объяснило бы готовность Девятнадцать Тесло предложить убежище. Или же Махит просто накладывает на собственный нынешний опыт секундный неврологический сбой, какой-то электрический сигнал в имаго-аппарате, сказавший, будто ее тело – это тело Искандра. Вполне возможно, не стоит доверять *ничему*, что прямо сейчас может выдать имаго, – если она и он действительно *повреждены* (или саботированы – ее передернуло под струями воды).

Махит отскоблила руки с мылом и сполоснула. В душе благоухало каким-то темным деревом и розами, и померещилось, что и этот запах ей знаком – или, по крайней мере,

она его помнит.

После она оделась в то, что оставила Пять Агат, – во все, кроме нижнего белья: она не собиралась носить чужие трусы, и ее вполне сойдут, да и лифчик принесли скорее для тех женщин, кому лифчики нужны куда больше, чем, строго говоря, Махит. Все остальное было мягким, белым и качественным – как брюки, так и блузка. Махит пожалела, что не может надеть поверх свою куртку, но та была испорчена безвозвратно. Придется выходить из душа босиком и, как она подозревала, в *собственной* одежде Девятнадцать Тесло.

Заложница, но чистая.

Когда она вернулась в центральный офис, кто-то уже сервировал чай.

Девятнадцать Тесло с головой ушла в работу, переставляла вокруг себя голограммы и проекции с текучим ритмом, так что Махит пока присела за низким столиком с чаем и принялась ждать. Поднимался легкий запах, цветочный и чуть горький. Пиал было всего две, мелкие и керамические, чтобы держать в пригоршне. На станции Лсел чаепитие не было и близко настолько формальным: пакетики, кружки да микроволновки для разогрева воды. Если Махит и пила стимуляторы, то выбирала кофе – с той же самой процедурой, только вместо чайных пакетиков – сублимированные молотые зерна.

– А вот и ты, – сказала Девятнадцать Тесло. Она села напротив Махит и разлила чай по пиалам. – Тебе уже лучше?

– Благодарю за радушие, – сказала Махит. – Я это ценю.

– С моей стороны было бы неразумно ожидать, что ты будешь готова к разговору раньше, чем придешь в себя. Судя по новостям с плазы Центр-Девять, могу представить, что утро у тебя выдалось тяжелым. – Она взяла пиалу и отпила. – Угощайся, Махит.

– Я не хочу умалять ваше гостеприимство, переживая из-за яда или наркотиков.

– Вот и хорошо! Сэкономишь мне время, не придется убеждать, что там нет ни того, ни другого, и если только со времени прилета Искандра на Лселе не изменилось понимание *человека*, то для твоей физиологии чай совершенно безопасен.

– Мы все еще такие же люди, как и вы, – сказала Махит и отпила. Чай укреплял, в горле долго держался горько-сладкий зеленый вкус.

– Согласна, двадцать лет – едва ли срок для значительного генетического сдвига. А все остальные определения довольно произвольны, меняются от культуры к культуре.

– Уверена, теперь вам бы хотелось, чтобы я спросила, что сейчас в Тейкскалаане произвольно считается нечеловеческим.

Девятнадцать Тесло постучала указательным пальцем по стенке пиалы. Кольца звякнули – металл по фарфору.

– Посол, – сказала она, – я была другом твоего предшественника. Возможно, одним из немногих, хотя, надеюсь, не

все так, как мне видится. В память о нем я предлагаю тебе беседу. Но можем сразу перейти к концу, если предпочитаешь не возводить здание взаимного доверия на общей почве. — У ее улыбки, когда та появилась, был тот самый блеск ножа, попавший в ее эпитет. — Я бы хотела побеседовать с Искандром. Либо перестань притворяться Махит Дзмаре, либо дай говорить ему.

«В точности как нож», — подумала Махит.

— Со всем уважением, эзузуакат, не могу помочь ни с тем, ни с другим, — сказала она. — Первое невозможно, поскольку я не притворяюсь собой. Второе гораздо сложнее, чем вы предполагаете.

— Ясно, — сказала Девятнадцать Тесло. Сжала губы. — Почему ты не он?

— На Лселе вас бы назвали философом, — сказала Махит и тут же об этом пожалела. В Тейкскалаане это слишком фамильярное утверждение даже с формально-уважительным «вы» — но она не знала, как сформулировать иначе, не выбрав себе заранее ролевую модель ради отсылок и подражания, как Три Саргасс, очевидно, выбрала Одиннадцать Станка.

— Очень лестно, — сказала Девятнадцать Тесло. — А теперь объяснись, Махит Дзмаре — полагаю, однажды твое тело носило это имя, так что меня вполне устраивает называть тебя так, как тебе угодно, — объяснись, почему ты не мой друг.

Махит поставила пиалу и опустила ладони на белую ткань

позаимствованных штанов. Девятнадцать Тесло поразительно превратно понимала теорию имаго: что за мысль, будто Искандр разгуливает по миру *в ее теле*, заместил, стер или убил ее собственную личность, оставив одно имя? Станция не растрачивала своих детей. Мутило уже от одной идеи – и слишком ярко вспомнилось мгновение в душе, когда она вовсе не чувствовала себя *собой*. Была не собой – но и не совмещенным человеком, которым им полагалось стать с Искандром.

– Объяснюсь, – сказала она, – но сперва ответьте вы: бомба на плазе Центр-Девять предназначалась для *меня* или для *Искандра*?

– Сомневаюсь, что для кого угодно из вас, – сказала Девятнадцать Тесло. – В самом худшем случае – для Пятнадцать Двигателя, и то я сомневаюсь. Жертвами внутреннего терроризма чаще становятся просто от того, что попадают не в то время не в то место. Умеренный случай политической неудовлетворенности вроде связей Пятнадцать Двигателя с бунтом на Одилии – это едва ли повод его взрывать, особенно если учесть, что местные подрывники *поддерживают* бунты.

Махит подавила желание задать тот вопрос, который утром не задала Три Саргасс – «бунт на Одилии? Что там происходит на Одилии?», – поскольку почти не сомневалась, что эзуауакат пытается сбить ее с мысли. Ее не собьют с мысли, не сейчас. В свое время можно поинтересоваться и

об Одилии, и о подрывниках; но прежде крупных проблем Города нужно знать, чего от нее хочет Девятнадцать Тесло.

Девятнадцать Тесло наблюдала, осмыслила ее молчание. И продолжила:

– Знаю, я не ответила на твой вопрос: знает ли кто-нибудь, *кроме* меня, об имаго-аппаратах на вашей станции.

Слишком проницательна. Слишком *матера*. Сколько лет она уже при дворе? Десятилетия. Дольше Искандра. И как минимум половину этих лет провела в опасном внутреннем круге императора. Очевидно, тут тонкость и наводящие вопросы *не помогут*.

Словно нож, напомнила себе Махит и постаралась стать ее зеркалом.

– Что, по его словам, должно было случиться после его смерти?

– Что невозможно представить, чтобы Лсел отправил следующего посла без его имаго. Что это будет... как же он выразился. Невообразимой тратой знаний.

– Похоже на Искандра, – сухо отозвалась Махит.

– Правда же? Заносчивый человек. – Девятнадцать Тесло отпила чай. – Значит, ты его знаешь.

Махит пожала плечом.

– Меньше, чем хотелось бы, – сказала она, что было правдой, хоть и не всей. – А каким, по его словам, должен быть *следующий* посол? Когда тот прибудет в Город вместе с его имаго.

– Молодой. Не обо всем осведомленный. Бегло владеющий тейкскалаанским – на *необычном* уровне для варвара. Он с радостью вновь встретит друзей и вернется к работе.

– У нас есть термин, – сказала Махит. – «Устареть». Искандр, которого знаю я, не тот, которого знали *вы*.

– Так вот в чем наша проблема?

Махит медленно выдохнула.

– Нет. Это очень маленькое подмножество проблем, которые у нас *могут* быть.

– Вообще-то, Махит Дзмаре, это моя работа – решать проблемы, – ответила Девятнадцать Тесло, – но обычно все становится намного проще, когда я понимаю, в чем они заключаются.

– Проблема в том, – сказала Махит, – что я вам не доверяю.

– Нет уж, посол. Это *твоя* проблема. А *наша* проблема – что я все еще говорю не с Искандром Агавном и что, несмотря на его зримую смерть, те же самые волнения, которые давно длятся в моем Городе и окружали его – и даже его *дальних* знакомых вроде Пятнадцать Двигателя, – теперь окружают и *тебя*.

– Я ничего не знаю о других бомбах, даже того, что они были, – сказала Махит. – Или о связи Пятнадцать Двигателя с теми, кто их закладывает, или с теми, кто закладывает их против него.

«Те же волнения». Что же *натворил* Искандр? Впрочем,

знай она это, знала бы и кто его убил – или хотя бы из-за чего он умер. А также способно ли это повлечь ответный удар в виде множества смертей среди гражданских. Сомнительно: когда перед его исчезновением она спросила, что он мог на-творить, он ответил «крамола», но «крамола» – это одно, а «бессмысленные смерти» – другое, и она представить себе не могла, чтобы была совместима по способностям с имаго того, кто считает терроризм приемлемым побочным эффектом политических действий.

– Бомбы в дорогих ресторанах в центре Города, на мой взгляд, – это уже эскалация, – сказала Девятнадцать Тесло. – Другие схожие инциденты не выходили за пределы внешних провинций. Отсюда мое предположение, что Пятнадцать Двигатель связался не с теми людьми – к своему сожалению и итоговому расчленению.

Махит спросила себя, не пошутила ли сейчас Девятнадцать Тесло. Трудно сказать – юмор, если он вообще тут был, сверкнул так резко. Такая шутка освежает человека раньше, чем он почувствует боль.

– *Возможно*, вы с ним всего лишь случайные жертвы, Махит, – продолжала Девятнадцать Тесло. – Но я знала Искандра, и потому сложно не задуматься.

– О чем задумываюсь я, – осторожно сказала Махит, – так это почему началась эскалация внутреннего терроризма. Если уж говорить о внутренних волнениях. Сколько у вас было взрывов?

Девятнадцать Тесло не ответила прямо. Махит этого ожидала.

– Спрашиваешь потому, что ты «устарела», мм?

– Да. Имаго, который я получила, – и вот Махит снова «крамольничала», второй раз за сутки; может, они с Искандром все-таки подходят друг к другу, так *легко* это давалось, – сняли с Искандра, когда он прослужил послом всего пять лет.

– И *правда* проблема, – сказала Девятнадцать Тесло – с сочувствием, так что стало только хуже.

– Но не *наша*, – продолжила Махит. – Я сомневаюсь, что вы, ваше превосходительство, правильно понимаете, *что* такое имаго.

– Так просвети же.

– Это не воссоздание. И не двойник. Это... представьте это в виде языковой и протокольной программы клонирования разумов.

Словно остаточная мысль – Искандр на задворках разума: <Мечтай>.

В панике она подумала: «Ты там?»

Ничего. Молчание, и эзузуакат уже снова говорила, и Махит не успевала слушать все сразу, да и все равно наверняка сама выдумала шепот, призванный, словно призрак или пророчество.

– ... Искандр точно описывал процесс не так, – договорила Девятнадцать Тесло.

– Имаго – это живая память, – сказала Махит. – Память идет в комплекте с личностью. Или они одно и то же. Это мы открыли довольно давно. На тот момент, когда я покинула станцию, самые старые имаго-линии просуществовали четырнадцать поколений, а сейчас уже идет пятнадцатое.

– Какую же роль на горнодобывающей станции стоит хранить больше пятнадцати поколений? – спросила Девятнадцать Тесло. – Губернаторы? Нейробиологи, чтобы дальше производить имаго-аппараты?

– Пилоты, эзуазуакат, – сказала Махит и вдруг обнаружила в себе яркую и внезапную гордость за станцию – что-то вроде нарастающего патриотизма, который вроде бы раньше не входил в ее эмоциональный лексикон. – Мы и другие станции в нашем секторе с самых времен колонизации региона не привязаны к планете. В нашем секторе и *нет* небесных тел для *проживания*, – только планеты и астероиды для *добычи* минералов. Мы станционники. Мы *всегда* прежде всего сохраняем пилотов.

Девятнадцать Тесло покачала головой – смешливый, очеловечивающий жест: короткая черная челка упала на лоб, и она убрала ее свободной от пиалы рукой.

– Ну, конечно. Пилоты. Следовало догадаться. – Она помолчала; больше ради театральности, подумала Махит, передышка, чтобы подчеркнуть мгновение радостных взаимных открытий, а потом отместить возникшую между ними двумя связь. – Значит, память идет в комплекте с личностью. До-

пустим. Тем более интересно, почему ты до сих пор не ответила, по какой такой причине я не разговариваю сейчас с Искандром.

– В идеале две личности интегрируются.

– *В идеале.*

– Да, – сказала Махит.

Девятнадцать Тесло наклонилась над низким столиком между ними и положила руку на колено Махит. Тяжело, твердо, приковывая к моменту. Махит вообразила, что ее прижимает масса целой планеты, гравитационное падение.

– Но мы говорим не об идеале, – сказала Девятнадцать Тесло, и Махит покачала головой. Нет, далеко нет. – Расскажи, что пошло не так, – продолжила эзуазуакат, и самым худшим было не то, что она не приказывала, а то, что в голосе звучало такое бесконечное, безмерное сочувствие. Махит страдальчески подумала, что начинает учиться техникам допроса. Допроса злых и усталых людей в культурной изоляции.

– Он был здесь, – сказала она, больше всего на свете желая с этим покончить. – *Мой Искандр*, не ваш. Мы были здесь. А потом – нет. Он замолчал; я не могу до него достучаться. Вот почему не могу пойти вам навстречу, ваше превосходительство. Я бы и рада. Все стало бы проще, учитывая, как тщательно мой предшественник развеял секретность наших государственных тайн. Скрывать уже нет смысла.

– Спасибо, Махит, – сказала Девятнадцать Тесло. – Бла-

годарю за информацию, – и сняла руку с колена Махит; с тем же движением сняла груз своего внимания, все резкое давление скрылось где-то внутри нее. Махит почувствовала... она и сама не знала что. Облегчение, и теперь злость из-за этого облегчения. Теперь – когда ей дали пространство для облегчения. Она сделала два вдоха, как можно ровнее.

– Я была бы Махит Дзмаре, даже если бы имаго остался со мной, как мы обе того желаем, – сказала она. – Пара всегда берет имя новой итерации.

– Станционникам вполне идут привычки станционной культуры, – сказала Девятнадцать Тесло – пренебрежительно, если Махит в этом что-то понимала.

Она попыталась еще раз, по-другому. (Зеркало. *Чистая заложница.*)

– Я бы хотела знать, с чего вдруг кто-то решил, что убийство Пятнадцать Двигателя – это правильный шаг для эскалации насилия. По вашему премного уважаемому мнению, эзуазуакат.

– Всегда есть люди, которым не нравится быть тейкскаланцами, – сказала Девятнадцать Тесло сухо и резко. – Которые жалеют, что мы вышли из атмосферы, протянули руки через прыжковые врата от системы к системе и остаемся... ну, вечно цветущим государством под властью такого человека, как Шесть Путь, да направляют его сияющие звезды. Им бы хотелось, чтобы мы стали республикой или перестали аннексировать новые системы, хоть системы сами нас об

этом просят, или... что угодно, что кажется здоровым с виду и отнюдь нет – если приглядеться. Кое-кто из них становится министрами или мнит, что сам может стать императором и изменить все по своему усмотрению. Тейкскалаанцы испокон веков мирились с подобными неприятностями – о чем тебе, полагаю, хорошо известно. Если ты настолько похожа на Искандра, насколько, по твоим словам, должен быть похож его преемник, то ты знаешь нашу историю.

Махит знала. Знала тысячи повестей, поэм, романов – плохих экранизаций поэм, – и везде рассказывалось о тех, кто пытался узурпировать тейкскалаанский трон солнечных копий и в основном проигрывал – или же преуспевал, нарекался императором и по праву победителя объявлял предыдущего императора тираном, который впал в немилость солнца и звезд и недостоин удерживать престол и потому по заслугам свергнут своей новой версией. Империя всегда переживала передачу власти, даже если не переживал император.

– У меня есть представление, – сказала она. – А какой еще есть тип людей? Ведь внутренний терроризм обычно не служит установлению идеального правления – не может же население получать от этого особого удовольствия и полюбить нового императора.

Девятнадцать Тесло рассмеялась, и Махит почувствовала несоразмерное удовлетворение. Рассмешить эту женщину – такая победа дорогого стоит, она вожаделенна, каждый раз –

награда. Возможно, Искандр все же *был* любовником Девятнадцать Тесло – и даже если Махит не хватало его голоса или памяти, по-прежнему оставалась реакция его эндокринной системы.

– Другой тип, – сказала эзузуакат, когда смех затих, – не ищет власти; они ищут уничтожения существующей системы – и больше ничего. Такие затруднения у нас возникают только *иногда*. Но данный случай тянется вот уже несколько лет. У нас в последнее время *очень* большая империя, и мирная, а значит, у людей достаточно времени задуматься о том, что их не устраивает. – Она встала. – Взглянем на инфографики, посол. Работа не ждет – даже интересных молодых варваров вроде тебя и нашего Искандра.

«Нашего?» – подумала Махит с удивлением – и не спросила. Только наблюдала.

Снова возникли слуги, словно так и ждали сигнала; один убрал чай, вторая – водившая Махит в душ, Пять Агат, – окружила себя собственным полукругом голограмм. Продолжает работу, когда начальница закончила извлекать из заложницы чувствительную информацию.

– Сделай сводку, Пять Агат, и скинь мне рапорт Солнечных о допросе выживших, – сказала Девятнадцать Тесло, и Пять Агат ответила элегантно сокращенной версией жеста повиновения.

– Махит, – продолжала Девятнадцать Тесло так, словно она тоже была ее слугой – может, *ученицей*, так лучше, точ-

нее, — о чем ты намеревалась расспросить Пятнадцать Двигателя? Ваша встреча — самое публичное его появление со времен отставки. Он переехал из дворца и практически растворился во внешних районах. *Казалось*, что живет он тихо, хоть и недоволен тем, по какой дороге ведет нас его сиятельство император.

Вот что, должно быть, она имела в виду ранее, когда говорила об Одилии: *недовольство* Пятнадцать Двигателя тем, как империя ответила на одилийский бунт, что бы там ни произошло.

— Я намеревалась спросить, почему умер Искандр, — ответила Махит.

— Анафилактический шок, вызванный аллергией.

— *Неужто*.

— Подозрительность сослужит тебе добрую службу при дворе, — заметила Девятнадцать Тесло с каменным лицом. Пять Агат за своими активными экранами, кажется, хихикнула.

— Пока что мы говорили друг с другом прямо, — сказала Махит, слегка осмелев. — Разве я могла не попробовать?

Девятнадцать Тесло взмахнула рукой, удалив один набор голограмм и вызвав другой.

— Не знаю, какой конкретно физиологический процесс его убил. В отчете икспанатля говорилось об *аллергии*.

— Я ожидала большей подозрительности от человека с вашей впечатляющей карьерой при дворе, ваше превосход-

тельство.

Девятнадцать Тесло рассмеялась.

– Ты мне нравишься, посол. Думаю, Искандру ты бы тоже понравилась.

Эта мысль ранила совершенно неожиданным образом. Каким-то чувством утраты, о котором она раньше и не задумывалась, – из-за того, что она скучала по тому Искандру, которого *знала*. Не каждое звено в имаго-последовательности знакомо с предшественником лично, но если *знакомо*, то это считалось особенно почетным, – если человека подобрали, а не просто взяли отличника по тестам на способности и по практическим экзаменам. Раньше она думала, что ей все равно: она станет *послом*, человеком значительным и необходимым, да и, конечно, о личном знакомстве речи вообще не шло: почти никто *не возвращался* на Лсел из Тейкскалаана, а ее способности оттачивались для отправки в Город еще до того, как она узнала, чье имаго получит и заслужит ли его вообще.

И, тем не менее, теперь ей хотелось бы встретиться с Искандром, воплотившимся для нее только здесь, с чьим трупом ее познакомили. И еще она скучала по *дому*, скучала по встающей над станцией планете, по временам, когда была умной, амбициозной и еще не обремененной *ответственностью*, когда они с Шарджей Торел и остальными друзьями болтали в барах на девятом уровне станции и воображали, что *будут* делать, но еще ничего не делая.

Вслух же она ответила только:

– Нас аккуратно подбирают для совместимости с предшественниками, да.

– Значит, ты понравилась Пятнадцать Двигателю? – спросила Девятнадцать Тесло. – Раз уж вы настолько совместимы, – казалось, что ее забавляет ситуация – или и забавляет, и интригует вплоть до того, что эти чувства становились практически неотличимы.

– Нет, – сказала она. – Я задавала слишком много вопросов, при этом не оказавшись тем, с кем он работал двадцать лет назад, до отставки. А вам нравился Пятнадцать Двигатель?

– Он был скрытным, запальчивым и водил близкие знакомства с несколькими семьями патрициев, которым я не по душе. За срок своей службы в Информации он частенько становился занозой у меня в пальце. Я была рада, когда он ушел, хоть и считала это подозрительным и считаю до сих пор – но после отставки он *затих*. По крайней мере, на поверхности. Я посещу его мемориал из уважения к хорошему сопернику, давнему собутыльнику и бывшему другу *моего* друга – прошлого посла Лсела.

Она замолкла и взглянула без выражения прямо на Махит, как темная стеклянная стена. На глазу светилась облачная привязка.

– Для Лсела это сойдет за «нравился»?

– Вполне, – сказала Махит. Ну, конечно же, Искандру хва-

тало обаяния находить друзей и по службе, и вне ее, и не терять их, даже если друг другу они не по вкусу. – Кому выгодна смерть Пятнадцать Двигателя, эзузуакат?

– Любой, кто не хотел, чтобы ты узнала о старых друзьях Искандра. – Девятнадцать Тесло вызвала новый инфографик и напечатала его быстрыми и мелкими движениями пальцев, составляя в воздухе список из слов-глифов. – Но, скорее всего: любой, кто хочет, чтобы все, кто втихомолку протестует против имперских методов подавления бунтов, перестали протестовать. Или тот, кто пытается разжечь общественный страх, в котором в последнее время недостатка нет из-за подобных инцидентов и антиимперских активистов, берущих ответственность на себя. Так что «кому выгодно» – очень интересная формулировка, Махит. Прибавим сюда половину эзузуакатов, особенно Тридцать Шпорника, кому бы хотелось задуть любую торговлю, идущую в обход системы, где имеет экономический интерес его семья, и кто с радостью ухватится за повод в виде ксенофобии – а ксенофобию спровоцировать несложно, когда тейкскалаанцев взрывают за обедом... а, и ты. Если ты хочешь устранить союзников предшественника, дабы занять радикально новую позицию по дипломатическим отношениям Тейкскалаана и Лсела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.